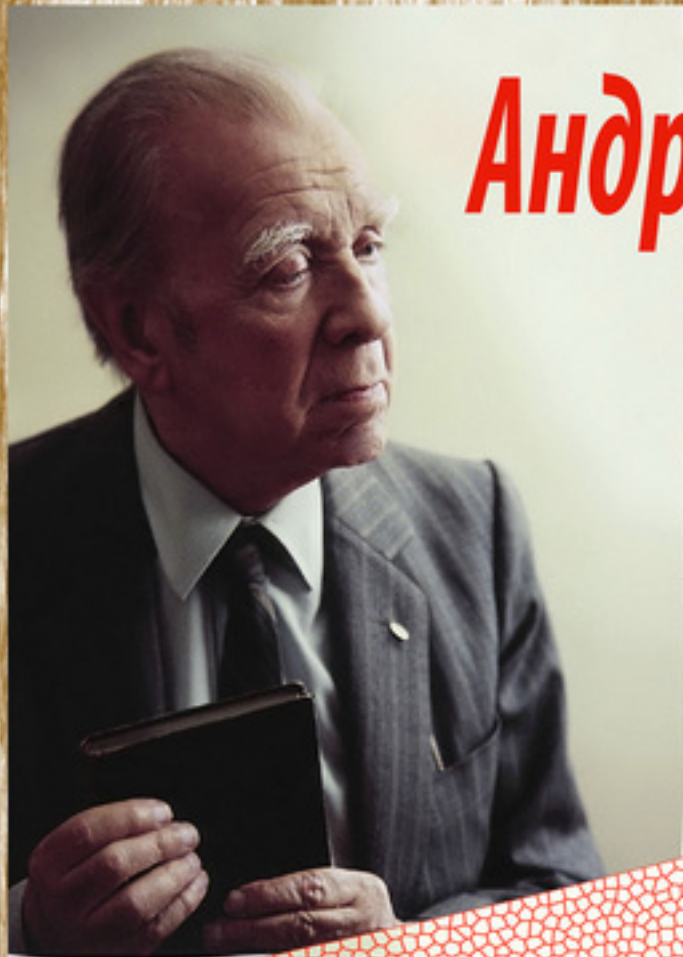

Андрей Бондаренко

З
е
р
к
а
л
а

Б
о
р
и
с

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Зеркала Борхеса

«Автор»

2013

Бондаренко А.

Зеркала Борхеса / А. Бондаренко — «Автор»,
2013 — (Неформатные книги)

Их нет. По крайней мере, так принято считать. В том глубинном смысле, что все они – кентавры, домовые, гарпии, вурдалаки – были когда-то, но очень и очень давно. А потом вымерли, переродились, испарились, далее по списку. Кто же тогда так тревожно воеет в ночи, за оконным стеклом? Звоняще и тоненько, с нечеловеческой тоской в голосе? Как раз – полнолуние... А ещё на этом свете существуют старинные Зеркала. Тусклые такие, словно бы отлитые из чистого серебра. Не стоит долго смотреться в них, особенно перед сном...

© Бондаренко А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

От Автора	5
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	24
Глава четвёртая	32
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Бондаренко

Зеркала Борхеса

От Автора

Их нет. По крайней мере, так принято считать.

В том глубинном смысле, что они, действительно, были когда-то, но очень и очень давно. А потом вымерли, переродились, испарились, далее по списку.

Да и не были они тем, что мы думаем о них сегодня. Просто казались, пользуясь непомерным человеческим воображением. Это легенды виноваты во всём. А ещё сказки, предания, саги, баллады и слухи...

Любые странные явления – всегда и непременно – имеют вполне разумные, логичные и стройные объяснения. Гномы и тролли, например, это, всего лишь, северное племя низкорослых человечков, вымершее давным-давно, не выдержав конкуренции со стороны более рослых и шустрых соседей. Драконы – обычные динозавры, случайно выжившие после падения на Землю гигантского метеорита.

А, главное, что все они – кентавры, домовые, гарпии, вурдалаки – давно уже вымерли, переродились, испарились...

Кто же тогда так тревожно воеет в ночи, за оконным стеклом? Звоняще и тоненько, с нечеловеческой тоской в голосе? Как раз полнолуние.

А вон там, рядом с кладбищенской оградой, промелькнул чей-то белёсый силуэт. Полупрозрачный такой, подрагивающий, словно фруктовое магазинное желе... Кто же это? Неужели...

Ещё на этом свете существуют старинные зеркала. Тусклые такие, словно бы отлитые из чистого серебра. Не стоит долго смотреться в них, особенно перед сном.

Автор

Пролог

Девушка – тоненькая и славная – задумчиво всматривается вдаль.

Всматривается, а потом, неловко смахнув ладошкой с густых ресниц крохотную слезинку, тихонько шепчет:

– Слова, слова, серебряная пыль... Вернётся ли он? А если и вернётся, то когда?

По пыльной просёлочной дороге, безалаберно петляющей между разлапистыми тёмно-зелёными кактусами, неторопливо рысит породистый угольно-чёрный конь, на котором восседает мужчина средних лет, облаченный в скромную походную одежду.

Мужчина крепко сжимает зубами – в уголке рта – потухший окурок сигары и чуть слышно бормочет:

– Причём здесь шторм – настойчивый и рьяный? Да ни при чём. Задумчивый сполна. Вся наша жизнь – дороги и туманы. Да девушка, что плачет у окна...

Вечная печальная история. Печальная? Это, смотря, чем она – в конечном итоге – закончится.

Да и декорации могут быть иными. В том смысле, что кактусы, угольно-чёрный конь и потухшая сигара могут отсутствовать. Не в них, собственно говоря, дело.

Главное заключается в следующем: вся наша жизнь – дороги и туманы, да девушка, что плачет у окна...

Глава первая

Сны и Зеркала

На Пласа Италия шёл мелкий частый дождик, город уже привычно ошетинился большими чёрными зонтами, пахло затхлыми тропическими болотами, давно нестиранным постельным бельём и неожиданной тревогой.

Круглые уличные часы показывали восемь двадцать вечера, до назначенной встречи оставалось ещё десять минут. Алекс уселся на тёмно-синюю скамейку под пластиковой крышей, распечатал тощую пачку сигарет «Боливар», купленную в киоске здешнего аэропорта и, щёлкнув зажигалкой, прикурил. Табак был сырым и явственно отдавал свежими дубовыми опилками.

Дождь неожиданно прекратился. Тут же, словно по мановению волшебной палочки невидимой феи, по круглым лужам беззаботно заплясали весёлые лучи предзакатного солнца, а многочисленные чёрные зонты куда-то мгновенно попрятались.

Алекс затушил окурок и ловким щелчком отправил его в приземистую бетонную урну, стоявшую рядом с навесом. Поднявшись с гостеприимной скамьи и пройдя мимо знаменитого бара «Милонга», он подошёл к светло-серому дому, на фасаде которого наблюдалась маленькая белая табличка с тёмно-синей цифрой «8».

Дом, как дом – четырёхэтажный, узкий, с одной единственной парадной. Таких неприметных строений – в старых кварталах Буэнос-Айреса – большинство.

По узким, слегка выщербленным ступеням серой винтовой лестницы он неторопливо поднялся на третий этаж. На солидной двери тёмно-фиолетового дуба была закреплена прямоугольная светло-бежевая картонка с надписью, выполненной на испанском языке с помощью чёрной краски и детской кисточки для рисования: – «Сон – это жанр, заветный сон – тема...».

– Надо же, самого Борхеса переврали, наглецы такие. Заменяли слово «страшный» на «заветный», – недовольно пробормотал Алекс, после чего уверенно надавил на круглую белую кнопку, чуть-чуть выступавшую из тёмно-зелёной стены.

Где-то вдалеке негромко прозвенела мелодичная трель.

Через полминуты дверь приоткрылась.

– Сеньор Алехандро Пушениг? – вежливо поинтересовалась молоденькая невысокая девочка. – Очень рада вашему визиту. Проходите, вас уже ждут. Если не трудно, то захлопните, пожалуйста, за собой дверь, – плавно развернулась и неторопливо пошла по длинному коридору, элегантно покачивая узкими бёдрами.

«И, в общем, ничего особенного», – подумал Алекс, небрежно толкая дверь ногой. – «Низенькая, худенькая, колючий платиновый ёжик на голове, белая блузка, ярко-синяя юбка чуть выше колен. А сердце, вдруг, забилося учащённо, с ярко-выраженными нотками заинтересованности и тревоги... С чего бы? Может, это её необычные глаза виноваты в данном случае? Тёмно-зелёные, загадочные, грустные, пронзительные...».

Коридор привёл их в просторную и светлую комнату: высокий белый потолок с хрустальной люстрой посередине, тёмный керамический пол, стены, обшитые кремовыми панелями из непонятного материала. Имеющаяся мебель идеально вписывалась в общую дизайнерскую концепцию помещения: иссиня-чёрный массивный письменный стол, два антикварных кресла, длинный диван бордовой кожи, янтарно-жёлтые стулья с резными спинками и просторные стеллажи, заставленные разнообразными книгами, фолиантами и толстыми картонными папками.

Из-за письменного стола неторопливо и величественно поднялся мужчина лет пятидесяти пяти – высокий, слегка сутулый, полноватый, большеголовый, пегие волосы, старательно

зачёсанные назад, выпуклые водянистые глаза, мерцающие таинственно и загадочно, уголки длинного рта, опущенные вниз.

«Опущенные вниз – как у тряпичной итальянской куклы Пьеро», – машинально отметил Алекс, протягивая ладонь для рукопожатия.

– Франсиско Асеведо, Генеральный директор компании «Заветные сны», – вежливо представился большеголовый мужчина и многозначительно посмотрел на зеленоглазую девушку: – Сеньорита Анна, будьте так добры. Организуйте нам с гостем по чашечке кофе...

«Сеньорита!», – облегчённо вздохнул Алекс и, в свою очередь, отрекомендовался:

– Алехандро Пушениг, профессор. Преподаю испано-язычную литературу и словесность в Университете города Клагенfurта, Австрия. Отец – наполовину немец, наполовину словенец. Мать – чистокровная испанка. Отсюда и «Алехандро», и мой испанский язык... Друзья и знакомые меня называют – Алексом. Рад оказаться в знаменитом и легендарном Буэнос-Айресе. Замечательно-красивый город, особенно ранней осенью.

– Сразу перейдём к делу?

– Конечно же, уважаемый дон Франсиско. Деньги я перевёл на расчётный банковский счёт ваших «Заветных снов» ещё полторы недели тому назад. Причём, по самому полному и дорогому варианту. Заявка – по установленной форме – была мною тщательно заполнена и отправлена на ваш электронный адрес.

– Да, я читал заявку. И деньги, действительно, поступили, – неуверенно пробормотал сеньор Асеведо, после чего глубокомысленно замолчал.

Минуты через полторы Алекс, решив прервать затянувшуюся неловкую паузу, обеспокоено поинтересовался:

– Что-то не так? Возникли непредвиденные осложнения?

– Нет-нет, всё в полном порядке! Просто... э-э-э, это немного странно. Слишком много знаковых и фатальных совпадений. Впрочем, возможно, всё к лучшему... Итак. Наша фирма «Заветные сны» предоставляет следующую нестандартную услугу – сны на заказ. Вы задаёте конкретную тему. Мы загружаем в эксклюзивную компьютерную программу нужную информацию, которая – по соответствующим инновационным каналам – поступает в ваш мозг, пребывающий в состоянии глубокого и спокойного сна. Через некоторое время в вашей голове «рождается-проявляется» призрачная череда цветных картинок, воспринимаемая вашим сонным сознанием – как самая настоящая и осязаемая реальность...

– Не продолжайте. Я очень внимательно ознакомился с информацией, размещённой на сайте вашей компании.

В комнате появилась сеньорита Анна, поставила на столешницу серебряный поднос с дымящейся медной туркой, двумя фарфоровыми чашечками, молочником и сахарницей розового стекла. После этого девушка, лукаво блеснув зелёными глазищами, резко развернулась и, взметнув подолом юбки, удалилась, гордо вскинув вверх голову с симпатичным платиновым ёжиком.

После десятисекундного молчания сеньор Асеведо смущённо выдохнул:

– Всё дело – в Хорхе Луисе Борхесе...

– Простите?

– Вы же хотите – во сне – попутешествовать именно по его Мирам? Вернее, как я понимаю...

– Вернее, я хочу «окупаться» в Мир его нетленных литературных произведений, которые будут загружены в недра вашего чудесного современного компьютера. Очень, знаете ли, интересно узнать, как искусственный компьютерный разум интерпретирует авторскую философию Мэтра. То есть, мыслителя, который безумно обожал рассуждать о природе сновидений:

А сон, податель пьес неутомимый,

в театре, возведенном в пустоте,
прекрасной плотью облачает тени...

– Впрочем, это не его стихи, а средневекового поэта Гонгоры¹. Что, впрочем, не меняет сути дела...

– Придётся, всё-таки, расставить чёткие приоритеты.

– Простите? – непонимающе переспросил Алекс.

– Непревзойдённым Борхесом создано очень много разнообразных литературных произведений. Рассказы, новеллы, эссе, стихи... Надо на чём-то, сделав однозначный акцент, остановиться. Есть основное блюдо, а к нему полагается гарнир, салаты, специи, десерт... Вам, дон Алехандро, надо выбрать стационарную ось, вокруг которой всё и будет вращаться.

– «Книга вымышленных существ»².

– Я так и думал, – уголки печальных губ Генерального директора компании неудержимо рванулись вниз, превращая его одутловатую физиономию в маску вселенской скорби. – Этого, впрочем, и следовало ожидать...

Алекс, с видимым удовольствием отхлебнув кофе из фарфоровой чашечки, невозмутимо поинтересовался:

– Что вас так огорчило, уважаемый дон Франсиско?

– Огорчило? Нет, не так. Озаботило, пожалуй. Не более того... Вы же, сеньор Пушениг, надеюсь, в курсе, что великий и мудрый Борхес не считал человеческие сны – просто снами? Вот, и то необычное состояние, которое мы предлагаем нашим клиентам, не является – в прямом и топорном понимании – сном. Граница между Явью и Грёзами, она очень призрачна, размыта и туманна...

– «И страшные сны переносят нас в Ад в буквальном смысле»?³

– Вот, именно! Некоторые люди умирают во сне. Другие, беззаботно похрапывая, сходят с ума...

– Третьи, проснувшись, совершают страшные и непоправимые глупости, – насмешливо хмыкнув, подхватил Алекс. – Вплоть до пошлых самоубийств... Не волнуйтесь вы так, любезный сеньор Асеведо. Я всё прекрасно понимаю и полностью осознаю. Необходимо подписать соответствующие бумаги, освобождающие – в случае различных фатальных казусов – фирму «Заветные сны» от юридической ответственности перед Властями и моими родственниками? Пожалуйста. Я готов.

– Что же, все необходимые документы будут подготовлены в течение двенадцати-пятнадцати минут. Не возражаете? Только, вот, дон Алехандро, у меня будет к вам маленькая частная просьба.

– Всё, что хотите.

– Объясните, пожалуйста, зачем вам всё это надо? Я имею в виду – «Книгу вымышленных существ». Это, ведь, э-э-э, очень опасно, необычно и чревато серьёзными неприятностями... Все прежние клиенты, которые посещали нашу компанию до вас, интересовались куда как более приземлёнными и простыми вещами. Чувственные сексуальные удовольствия, посещение счастливых страниц собственного Прошлого, путешествия по экзотическим краям и местам нашего обычного Мира. Это, как раз, понятно и объяснимо... Но, извините, общение с кровожадными чудищами, мрачными уродами и неприветливыми монстрами? Что это вам – в конечном итоге – даст? Не понимаю... Да вы курите, курите!

---

¹ Гонгора-и-Арготе – испанский поэт 16–17 в.

² «Книга вымышленных существ» – известное произведение Х.Л. Борхеса.

³ Строка из эссе Х.Л. Борхеса – «Страшный сон».

Алекс допил кофе, неторопливо раскурил влажную сигарету и, выдохнув едкий дым в потолок, поморщился:

– Знаете, я не смогу толком объяснить причину, толкающую меня на этот безумный эксперимент. Просто – очень хочется знать... Что, конкретно, знать? А, всё! Чем больше, тем лучше...

– Что же, весьма достойный, ёмкий и, главное, прямой ответ, – впервые за время беседы взбодрился Франсиско Асеведо. – Сеньору Борхесу он – скорее всего – понравился бы.

Впрочем, очередная улыбка у Генерального директора компании «Заветные сны» получилась – как и у итальянской куклы Пьеро – бесконечно грустной и печальной...

Вторая комната офиса напоминала своим внешним обликом классический медицинский кабинет. Всё белое-белое – стены, пол, потолок, накрахмаленные простыни, покрывающие просторные лежаки. Только два навороченных компьютера и многочисленные тонкие провода, идущие от них, были безысходно-чёрными.

– Почему предусмотрено два...рабочих комплекта? – засомневавшись, спросил Алекс. – Для чего?

Сеньор Асеведо многозначительно усмехнулся:

– «Заветные сны» – уважаемая, заслуженная и серьёзная компания, заботящаяся о собственной безупречной репутации. Неужели вы подумали, что мы «отпустим» вас – в это бесконечно-опасное путешествие – одного? Естественно, вас будет сопровождать, если так можно выразиться, наш опытный и хорошо подготовленный сотрудник, могущий оказать – в экстренных ситуациях – действенную и эффективную помощь.

– Я могу познакомиться с ним?

– Не вижу в этом никакого позитивного и реального смысла, – откровенно заскучал Франсиско Асеведо. – В Мире Грёз ваш помощник, всё равно, кардинально поменяет внешность. Да и не один раз. То есть, в строгом соответствии с окружающей обстановкой... Вы «переселитесь» в Страну «Заветных снов» первым, он – с десятиминутным опозданием.

– Мне необходимо снять одежду?

– Нет, это лишнее. Просто выньте из карманов все бытовые предметы. Сложите их, например, сюда. Всё-всё вынимайте, включая сигареты. В Потустороннем Мире вам придётся довольствоваться местным «потусторонним» табаком. Если, конечно, найдёте...

Алекс послушно выложил на горизонтальную поверхность низкой тумбочки пухлый кожаный бумажник, мобильный телефон, связку ключей на массивном брелке, белоснежный носовой платок, китайскую шариковую ручку, газовую зажигалку и мятую пачку «Боливара». При этом он непроизвольно отметил, что рядом с образовавшимся холмиком вещей располагается высокий стеклянный стакан, наполовину заполненный какой-то прозрачной жидкостью.

– А, вот, данную полезную вещь, дорогой мой дон Алекс, вам придётся взять с собой, – сеньор Асеведо, загадочно отводя глаза в сторону, протянул маленький чехольчик чёрного бархата на тонком золочёном шнурке. – Это – так называемые «Зеркала Борхеса». Вернее, так лично я именую данный инновационный прибор...

«У донна Франсиско очень плохо со зрением», – понял Алекс и, ослабив шёлковый шнурок, неловко извлёк из бархатного чехла крохотный овальный предмет.

– Вы сказали – «Зеркала»? Но, ведь, оно – одно...

– Два, милейший сеньор Пушениг. Конечно же, два. Вы посмотрите повнимательнее...

Непонимающе пожав плечами, Алекс медленно повертел странный предмет перед глазами. Одна сторона овала была обычной – светлой, зеркальной. А другая – тёмной и призрачной.

«В ней отражаются только мои глаза!», – с удивлением осознал он.

Сеньор Асеведо, выждав с минуту, негромко пояснил:

– Если вам наскучит в каком-то конкретном сне, и появится непреодолимое желание – сменить «антураж», то просто посмотритесь в светлую зеркальную поверхность. После этого – через мгновение-другое – окажетесь в следующем сне. Это, в первую очередь, касается тех случаев, когда вам будет угрожать смертельная опасность...

– Простите?

– Если вам в Стране Грёз оторвёт, к примеру, руку, то и в реальности – после пробуждения – данная рука непременно онемееет. А потом и отсохнет. Если же вас во сне убьют, то... Сами, наверное, понимаете, что покойники не просыпаются. Вернее, иногда просыпаются, но, к сожалению (или же к счастью?), крайне редко.... Скажу сразу, что количество «зеркальных» снов может быть практически бесконечным. То есть, ваше путешествие может длиться сколь угодно долго. Сугубо по вашему желанию, мой друг. То есть, в полном соответствии с произведённой оплатой.

– А когда надо смотреться – в тёмную зеркальную сторону? – задумчиво прищурился Алекс.

– В двух случаях. Во-первых, когда вам окончательно наскучили Грёзы, и захотелось – незамедлительно – вернуться в реальный Мир. А, во-вторых, если в одном из очередных сновидений вы получили (не дай Бог, конечно, тьфу-тьфу-тьфу), серьёзное ранение или же сильную контузию. Поверьте мне на слово, но реальная медицина, она намного действеннее той, потусторонней...

– Что же, пожалуй, поверю.

– Тогда спрячьте Зеркала обратно в чехол, его же, в свою очередь, положите в один из карманов. После этого выпейте содержимое этого стакана, ложитесь на кушетку, принимайте удобное положение и закрывайте глаза. Я же закреплю на вашей голове – с помощью специальных магнитных присосок – необходимые зажимы-провода и нажму на кнопку запуска. Готовы?

– А что за жидкость находится в стакане?

– Обычное снотворное. Пейте, не сомневайтесь...

Уже засыпая и чувствуя, как к его голове прикасаются прохладные круглые присоски, Алекс задал последний вопрос:

– Уважаемый дон Франсиско, извините... А что произойдёт, если я случайно потеряю – «Там» – чудодейственные Зеркала Борхеса?

– В этом случае вы навсегда останетесь в Стране Грёз, – поведал ему глухой, неуклонно отдаляющийся голос. – А ваше брэнное тело – в реальном Мире – впадёт в вечную комму... Ещё. «Посещение» «Книги вымышленных существ» будет происходить в строгом соответствии с текстом великого Борхеса. То есть, в алфавитном порядке... И, наконец, последнее. Находясь «Там», вы будете понимать речь всех других персонажей и, соответственно, разговаривать на всех-всех языках...

Глава вторая

Ахерон⁴ и Амфисбена⁵

Ладный трёхмачтовый фрегат, подгоняемый попутным восточным ветром, уверенно шёл по неизвестному проливу, ширина которого не превышала три четверти морской мили. Судя по расположению на небе жёлтого солнечного диска, совсем недавно миновал полдень.

«Ага, подняты только нижние паруса на двух передних мачтах, топселя убраны, а грот и стакселя взяты на риф», – непроизвольно отметил Алекс, с удивлением осознав, что прекрасно разбирается в искусстве судовождения парусных кораблей. – «И это, безусловно, правильно! Плавание под парусами узкими и извилистыми проливами – дело скользкое и насквозь опасное. В любой момент может ударить коварный боковой шквал. Тогда – только держись, запросто можно врезаться в отвесные и крутые береговые скалы, до которых рукой подать... Ещё было бы неплохо узнать – своё тутошнее имя и местный общественный статус...».

Он, стараясь не привлекать нездорового внимания, мельком осмотрел собственную одежду-обувь. Неуклюжие сапоги тёмно-коричневой кожи, серые замшевые панталоны до колен, тёмно-фиолетовый камзол, украшенный квадратными керамическими пуговицами и светло-жёлтыми кружевами на рукавах. За широким кожаным поясом обнаружился громоздкий неуклюжий пистолет. На левом боку – в деревянных ножнах, украшенных круглыми серебряными заклёпками – висела длинная дворянская шпага с кованным вычурным эфесом.

«Определённо, я попал в легендарные Средние века», – предположил Алекс и восхитился про себя: – «Смотри-ка ты, сколько у меня на пальцах золотых перстней, оснащённых различными самоцветами! Рубины, сапфиры, аметисты, изумруды... А что это такое болтается в моём правом ухе? Ага, тяжёлая, явно золотая серьга. Волосы какие-то чрезмерно длинные и слегка сальные. Однако... Эх, посмотреться бы в зеркало! Интересно, а что у меня нынче с физиономией?».

Торопливо нащупав ладонью во внутреннем кармане нарядного камзола заветный бархатный чехольчик, он облегчённо вздохнул и тут же решил, что время для этого зеркала ещё не наступило. Надо было поискать другое, обыкновенное.

Примерно в ста пятидесяти метрах от борта фрегата тянулись бесконечные низкие берега, густо покрытые невысокими хвойными деревьями и пыльным кустарником.

– Сеньор командор! – долетел до него чей-то смутно-знакомый голос. – Пройдите, пожалуйста, на капитанский мостик!

«Это же португальский язык», – уверенно определил Алекс и тут же вспомнил всё...

Он звался – Алехандро Кабрал. Почти тридцать четыре года от роду. Уроженец португальского городка Синиш. Полноправный командор торговой португальской эскадры, идущей под гордыми королевскими знамёнами.

– Следуем из родимого Синиша в японскую Иокогаму, – тихонько пробормотал Алекс. – Туда везём европейские товары: креплёное и сухое вино, арбалеты, холстину, восковые свечи, дорожные кареты (в разобранном состоянии), пшеничную и ржаную муку. В Японии же загрузимся всякими восточными редкостями: шёлком, пряностями в ассортименте, экзотическим холодным оружием, чайной травой, рисом, стойкими красками... Сейчас суда моей эскадры проходят Магеллановым проливом. До выхода в Тихий океан остаётся миль сто двадцать – с небольшим хвостиком. Фрегат, на котором я нахожусь, называется – «Святая Анна». Анна...

---

⁴ Ахерон – мифическое чудовище, воплощение Ада. По одной из версий – наказанный титан. В древности существовало поверье, что Ахерона можно встретить недалеко (относительно) от Южного полюса.

⁵ Амфисбена – мифическая двухголовая змея, вторая голова которой располагается на месте хвоста.

Кроме него в состав торгового каравана входит ещё один многопушечный фрегат и три пузатых купеческих брига. А на дворе нынче стоит 1635-ый год.

– Сеньор командор! – продолжал упорно надрываться противный визгливый голосок. – Я вас жду! Это очень-очень срочно...

«Штурман Сантьяго Альварес», – опознал Алекс неприятный голос. – «До чего же беспокойная, суетливая и мнительная личность. Знать, опять чего-то испугавшись, ударился в пошлую панику...».

Стараясь шагать неторопливо и важно, как и полагается полновластному командору серьёзной эскадры, он по короткой скрипучей лесенке поднялся на капитанский мостик. Вернее, на квадратный помост, ограждённый низенькими перилами.

Возле корабельного штурвала дисциплинированно застыл матрос Данни – широкоплечий верзила с откормленной физиономией, украшенной длинным и извилистым тёмно-багровым шрамом. В двух метрах от штурвала, возле крепких перил, обнаружился щедушный пожилой человечек, крепко сжимавший в морщинистых ладошках длинную подзорную трубу. В южной стороне, куда и были направлены окуляры бельгийского оптического прибора, хорошо просматривались – даже невооружённым глазом – два высоких столба чёрно-серого дыма, вальяжно поднимавшихся над далёкими тёмно-синими горами.

– Что случилось на этот раз, штурман? – нарочито небрежно поинтересовался Алекс. – Узрели очередную смертельную опасность? Приближается ужасная грозовая туча?

– Вз-з-з-гляните с-с-сами, дон Ал-л-леохандро! – отчаянно заикаясь, предложил Альварес, протягивая подзорную трубу.

– Что же, и посмотрю. А ты, сеньор паникующий штурман, хлебни-ка ямайского рома – для укрепления расшатанных нервов. Так тебя и растак, да с двойным перехлёстом...

Картинка, открывшаяся взору, была величественной и, одновременно, угрожающей. На высоких горных пиках, расположенных друг рядом с другом, горели два ярко-розовых «глаза» действующих вулканов. По их крутым чёрным склонам величественно и непреклонно стекали-сползали малиновые потоки расплавленной лавы. Тёмная и широкая седловина перевала, соединявшего пики в единое целое, напоминала собой гигантский, нагло улыбающийся рот.

«На фоне низких лохматых туч, неподвижно зависших на юге, да если подключить обострённую фантазию, то – сама собой – напрашивается однозначная ассоциация: огромный Великан, безудержно и горько плачущий огненными слезами...», – подумал Алекс. – «Вот, так, скорее всего, они и рождаются: самые невероятные легенды и мифы, призванные пугать – до регулярных желудочных колик – доверчивых и наивных обывателей...».

Рядом слышалось бодрое бульканье, аромат отборного ямайского рома приятно защекотал ноздри. Ещё через семь-десять секунд хриплый голос Альвареса – без малейших следов заикания – сообщил:

– Именно так мне его и описывал один благородный ирландский дворянин, заслуживающий доверия.

– Кого – описывал? – Алекс неохотно оторвался от оптического прибора и с любопытством уставился на штурмана.

– Да, Ахерона. Провинившегося слугу Господа нашего. Прикованного – за неизвестные ужасные прегрешения – толстенными чугунными цепями к земной твердыни...

– Расскажи-ка, любезный. Давай, давай, не стесняйся... Рассказывай, рохла худосочная, иначе в глаз засвечу!

Штурман, торопливо заткнув горлышко кожаной фляги грубой деревянной пробкой, заговорил – с откровенно-испуганными и паническими нотками в голосе:

– Ахерон ростом будет – с высоченную гору. Его круглые глаза пылают нестерпимым огнём. Пасть так огромна, что он может поедать закаменелых грешников – тысячами. Десятками тысяч... Иногда Ахерон, когда очень голоден, начинает оглушительно рычать и страшно

ругаться. И тогда земля трясётся, как красный осиновый лист – на холодном осеннем ветру. Огромные валуны скатываются по склонам гор, разрушая мирные города и безжалостно давя их несчастных жителей. Извилистые и бездонные трещины упрямо ползут – везде и всюду. Небесные птицы умирают на лету, камнями падая вниз. Рыбы всплывают – кверху брюхом – на озёрных и речных водах. А сами реки текут вспять...

Словно бы подтверждая слова Альвареса, с юга прилетел низкий громовой раскат, деревянный корпус «Святой Анны» ощутимо вздрогнул и покачнулся. Впечатлительный штурман тут же повалился на колени и, воздев к небу сложенные вместе ладони, принялся неразборчиво молиться.

Алекс неодобрительно и сердито посмотрел на рулевого.

– Это я случайно, – смущённо пожимая широченными плечами, принялся оправдываться здоровяк Данни. – Оно так неожиданно загремело, что рука – сама по себе – дёрнулась на штурвальном колесе... Рука, клянусь! Извините, сеньор командор! Больше такого никогда не повторится... Кстати, ветер-то постепенно стихает. Как бы ни установился полный штиль.

Посмотрев на паруса, повисшие – словно рваные тряпки на деревенском заборе, Алекс, слегка пнув носком сапога Альваресу под копчик, строго велел:

– Давай, трусливый пройдоха, продолжай. Что ещё знаешь про этого страшного Ахерона?

– Да, я уже почти всё и рассказал, – истово заверил штурман, торопливо поднимаясь на ноги. – Демоны ещё там всякие появляются...

– Ну, что – за демоны?

– Живут они в бездонном чреве Ахерона... А тёмными беззвёздными ночами регулярно вылезают наружу. Шастают по округе. Пьют человеческую кровь. Похищают глупые и заблудшие Души... Ещё разные чудеса происходят в тех местах, где обитает Ахерон.

– Чудеса?

– Ну, всякие и разные события, которые не случаются в обычном Мире, в обычное Время...

– По южному берегу наблюдаю городские развалины! – прокричал из марсовой бочки вперёдсмотрящий матрос.

– Согласно моей подробной карте, здесь должно располагаться старинное испанское поселение – «Сан-Филипп», – дрожащим голосом сообщил штурман. – Очевидно, проклятые индейцы постарались... Впрочем, какое нам дело до наглых, напыщенных и жадных испанцев? Ровным счётом – никакого! Чем больше их погибнет, тем нам, португальцам, будет легче и проще жить...

Алекс, задумчиво погладив пальцами массивную серьгу в своём правом ухе, приказал Альваресу:

– Отставить – всякие глупости! Готовиться к внеплановой стоянке! Видишь, ветер почти стих? Так что, не зевай, увалень... Встаём на якоря под южным берегом, напротив этих загадочных развалин. Командуй здесь, паникёр. А я, пожалуй, ненадолго спущусь в каюту...

В каюте властвовала жёлто-серая затхлость, нестерпимо пахло грязным бельём и очень плохим коньяком.

– Семнадцатый век, как-никак, мать его, – брезгливо разглядывая подозрительные бурые пятна на серой простыне, успокаивающе сообщил сам себе Алекс. – Клупы, судя по всему, здесь совсем и не редкость...

На крохотном квадратном столике, рядом с полупустой бутылкой синего стекла, горлышко которой было небрежно закупорено кожаной затычкой, обнаружилось и крохотное зеркальце, искусно вделанное в длинную костяную пластину-рукоятку. Он – с чувством лёгкой неуверенности – взял данный предмет туалета в ладонь правой руки и, робко заглянув в мутную зеркальную поверхность, облегчённо выдохнул:

– Что же, могло быть и гораздо хуже. Лицо собственное, что уже просто замечательно... Длинноватые волосы? Ничего страшного, данная причёска мне, определённо, идёт. Только, вот, эти дурацкие чёрные усы... Почему они такие длинные? И кончики смотрят вверх как-то очень, уж, залихватски, придавая всей физиономии характерный оттенок наглого пижонства... Придётся, как я понимаю, смириться с этим неаппетитным нюансом. Особенности местной средневековой моды, так сказать...

Слегка заострённый нос корабельной шляпки мягко ткнулся в светло-жёлтый песок низкой косы. Алекс ловко выпрыгнул на пологий берег и отдал приказ, стараясь, чтобы его голос звучал максимально мужественно и властно:

– Гребцам от лодки далеко не отходить. Штурман, возьми с собой пару-тройку вооружённых солдат и тщательно осмотри окрестности. Встреченных туземцев – без отдельного приказа – не обижать, – подумав секунд пять-шесть, добавил: – За мной никому не ходить. Я здесь самостоятельно прогуляюсь, без провожатых...

Альварес – в сопровождении трёх высоких оборванцев, вооружённых допотопными неуклюжими пищалями – двинулся, постоянно оглядываясь по сторонам, перпендикулярно к береговой кромке. Алекс же уверенно направился на запад, вдоль каменистого берега Магелланова пролива, благо обгоревшие развалины городка были длинными и тянулись по обе стороны от места стоянки корабельной шляпки.

Он неторопливо шагал, изредка старательно обходя большие прибрежные валуны, и размышлял про себя: – «Что же, на Ахерона я, кажется, уже вволю налюбовался. Что, вернее, кто там на очереди? Если привязываться к тексту великого Борхеса, то, естественно, Амфисбена. Эта такая гигантская двухголовая змея. Если её ножом (мечом, саблей, мачете?), безжалостно рассечь на две части, то они потом – обязательно – срastутся. Даже если их закопать в землю в разных местах, расположенных за много-много километров друг от друга. Следовательно, надо внимательно и постоянно смотреть под ноги, чтобы случайно не наступить на экзотическую гадину... Развалины старинного испанского поселения? Обычные развалины – остатки каменно-кирпичной кладки, высокие кучи разнообразного строительного мусора, обгоревшие стропила крыш... А пожар-то, похоже, не давний. Горело месяцев шесть-девять тому назад...».

Приятно запахло мирным дымком. Обогнув очередной обломок чёрного базальта, Алекс обнаружил и источник дыма – в восьмидесяти метрах от него, на берегу, горел небольшой, но очень яркий костёр, рядом с которым наблюдались две человеческие фигуры.

«Судя по одежде, это местные жители», – предположил Алекс. – «Подойти и слегка пообщаться? Или же вернуться назад, к корабельной шляпке? Дилемма... Я же могу разговаривать на самых разных языках нашей прекрасной планеты! Грех не воспользоваться таким удобным обстоятельством...».

Непроизвольно погладив ладонью кованый эфес шпаги, он двинулся вперёд.

На толстом чёрном брёвне – по правую сторону от костра – сидел, невозмутимо покуривая короткую тёмно-коричневую трубку, пожилой индеец. Широкоплечий, носатый, морщинистый и краснолицый, с абсолютно седыми длинными волосами, туго перехваченными красным матерчатым ремешком. Одет же абориген был совершенно обыденно и непритязательно. Именно так – по представлениям Алекса – и должны были одеваться южно-американские туземцы: широкий длиннополый плащ, умело сшитый из светло-кремовых, искусно-выделанных шкур неизвестного животного, из-под которого высывались грязные босые ступни ног.

На появление незнакомого бледнолицего человека старик никак не отреагировал – всё также сидел на чёрном толстом бревне и, с удовольствием выпуская изо рта клубы ароматного табачного дыма, непроницаемо вглядывался в тёмно-синие воды Магелланова пролива.

Слева от костра стояла, небрежно опираясь на кривую палку-посох, женщина неопределённого возраста – черноволосая, очень худая, облачённая в мешковатый тёмно-рыжий балахон до колен. Вернее, в две звериные шкуры – мехом наружу – наспех скреплённые между собой кусками толстых сухожилий. Она, в отличие от мужчины, насторожённо повернула голову в сторону, откуда пришёл Алекс. Только это было напрасно – глаза женщины были закрыты двумя чёрными кругами-дисками, вырезанными, скорее всего, из выдубленной лошадиной шкуры.

«Наверное, она слепая», – решил Алекс и засомневался: – «Я, конечно же, теоретически владею всеми языками земного Мира. Но, спрашивается, на каком из них надо говорить в данном конкретном случае?».

– Мир вашему дому! – произнёс он по-патагонски и, не дождавшись ответа, повторил эту же фразу – поочерёдно – на языках арауканов, техуэльче и чайхи⁶. После этого Алекс потерянно замолчал, пытаюсь угадать национальную принадлежность своих молчаливых собеседников.

Через минуту старик ожил и, плавно повернув голову, внимательно посмотрел прищельцу в глаза.

«Какое у него грустное лицо!», – подумал Алекс. – «Это, наверное, из-за опущенных вниз уголков тонких губ. Прямо, как у итальянской тряпичной куклы Пьеро...».

– Приветствую тебя, храбрый и решительный командор Кабрал! – торжественно произнёс туземец на очень чистом и правильном испанском языке. – Извини, что долго не отвечал, хотя достаточно хорошо владею всеми наречиями, на которых говорил ты. Просто, согласись, что твоя приветственная фраза была бесконечно наивна и глупа... «Мир вашему дому?». Какому, скажи, дому? – старик красноречиво махнул рукой в сторону серо-чёрных развалин. – Нет больше у Борха и Айники дома...

– Извини, уважаемый Борх, я ничего не знал о твоём горе, – коротко поклонился Алекс. – Как и когда это произошло?

– Обычно. Пятьдесят Больших Солнц тому назад сюда приплыли упрямые испанцы. Основали крепкий город и нарекли его – «Сан-Филипп». Арауканы поселились рядом с испанцами. Арауканы – мирные индейцы, никому не желающие зла. Вместе с испанцами мы разводили коров, лошадей, овец и коз, выращивали пшеницу, горох, бобы, картофель и томаты... Половину Большого Солнца назад с севера пожаловали подлые техуэльче, многие тысячи. Схватка была изначально неравной. Все горожане погибли. Только Борх и Айника остались в живых. Она – моя единственная дочь, потерявшая глаза во время страшного пожара. Видимо, так было угодно жестокосердным Богам...

– Техуэльче пришли, когда из высоких гор полился «жидкий огонь»? Когда проснулся великий и ужасный Ахерон? Ведь, горы, плюющиеся смертельным огнём, и есть – Ахерон?

– Глупости говоришь, пришлый идалго, – нахмурился старик. – Ахерон, это не гора, да и не великан, прикованный толстой чугунной цепью к земной твердыне. Это просто – такое особенное место.

– Место, где происходят всякие невероятные чудеса?

– Нет. Просто место, где высокий Небесный мир иногда может, никуда не торопясь, пообщаться с низменным Земным миром. Где подлое и кровожадное Зло – зачастую – нечаянно переплетается с благородным и светлым Добром... Хочешь покурить, командор Кабрал? – заметив утвердительный кивок Алекса, туземец достал из-под широкого плаща ещё одну трубку, заранее набитую табаком, и любезно протянул собеседнику.

Алекс, вытащив из костра горящую сосновую ветку, умело прикурил, глубоко затянулся, с удовольствием выдохнул ароматный дым и искренне поблагодарил:

---

⁶ Патагонцы, арауканы, техуэльче, чайхи – народности, населяющие берега Магелланова пролива.

– Спасибо! Очень хороший и духовитый табак, уважаемый и мудрый Борх... Кстати, а откуда ты узнал моё имя?

– Айника вчера сказала. Она – после того, как потеряла в жарком пожаре зрение – научилась многое видеть и слышать на расстоянии.

«А, ведь, Айника гораздо моложе, чем я подумал вначале», – решил Алекс, внимательнее присматриваясь к женщине. – «Ей, скорее всего, и двадцати лет ещё не исполнилось. Просто показательно худенькая, лицо измождённое и скорбное. А фигурка – очень даже ничего, ноги длинные и очень стройные...».

Когда курительные трубки погасли, Борх спросил:

– Что ты, любопытный и беспокойный командор, хочешь увидеть в наших скучных краях? Про Ахерона я уже понял. Отведу тебя в это необычное и тайное место. Если, конечно, захочешь. Может, ещё чем-то или кем-то интересуешься?

– Пожалуй, Амфисбеной. Эта такая огромная змея.

– Змея?

– Ну, да, змея, – уверенно подтвердил Алекс. – Длинная такая гадина, толстая, с двумя вечно-голодными головами... Разве нет?

– Это, странствующий кабальеро, как посмотреть. Если поверхностно, то, пожалуй, что и змея. Если же внимательно, то и нет...

– Заковыристыми загадками балуешься, уважаемый арауканец?

– Хочешь познать истинную суть Ахерона и Амфисбены? – вопросом на вопрос ответил старик. – Вижу, что хочешь... Ладно, так тому и быть. Всё покажу и расскажу. Времени у нас нынче много. Нужного вам ветра долго не будет. Целых десять Маленьких Солнц... Впрочем, пожалуй, начнём прямо сейчас. К чему, спрашивается, медлить? Взгляни-ка, командор, на Синие воды!

Алекс посмотрел в указанном направлении. С запада по Магелланову проливу, в тридцати-сорока метрах от берега, неуклонно приближаясь, двигалась маленькая эскадра туземных пирог. Вернее, две длинные и крепкие пироги, заполненные рослыми воинами, уверенно настигали хлипкий чёлн, в котором находились три древние старушки, орудовавшие из последних сил короткими чёрными вёслами.

– Это туземцы из племени чайхи, – невозмутимо сообщил Борх. – Гонятся за своими старухами.

– Зачем – гонятся за старухами?

– Чтобы их съесть, конечно же. Сейчас зима, голод лютует, пришло время никчемных старух...

– Съесть собственных прародительниц? Матерей, бабушек, прабабушек? – опешил Алекс.

– Ну, да. Именно так и не иначе. Всё просто, благородный и наивный Кабрал... Чайхи – идеальное порождение тёмного Зла. Скотоводством и земледелием они не занимаются. Их любимая охотничья добыча – речные и озёрные выдры, из шкур которых они шьют свои уродливые и бесформенные зимние одежды. А летом, весной и осенью все чайхи ходят, вовсе, без одежд. Даже, бесстыдники такие, не носят набедренных повязок. Они – с самого рождения – никогда не моются, чтобы, мол, случайно не спугнуть капризную удачу... Во время голода у чайхи принято кушать старых женщин. Умерщвляют этих несчастных, держа их лица над дымными кострами, в которых тлеют сырые ольховые дрова. Причём, своих собак, то есть, приручённых степных волков, чайхи съедают только тогда, когда заканчиваются старухи... Почему установлена такая странная и извращённая очерёдность? И это просто. Собаки, ведь, исправно ловят речных выдр и лесных крыс, а старухи – нет.... А ты, глупый и добросердечный командор, считал, что имя страшному чудищу – Ахерон...

Понимая, что им уже не уйти от настырных преследователей по воде, пожилые индианки направили свой утлый чёлн к берегу. Но и это им не помогло. На песчаной косе, примерно в ста двадцати метрах от костра Борха, погоня окончательно настигла усталых беглянок. Двенадцать крепких и рослых воинов плотно окружили несчастных старух и, возбуждённо потрясая короткими копьями, радостно заплясали вокруг них.

«Вот, и всё. Игра сыграна», – криво усмехнулся про себя Алекс. – «Сейчас прольётся невинная кровь, а я... Я даже пальцем не шевельну... Почему? По кочану. По целому комплексу объективных и субъективных причин. Уважительных таких, прочных и железобетонных... Главным образом из-за того, что всё это – лишь – дурацкий сон, тёмный морок, галлюцинация, не несущая никакой смысловой нагрузки. Или же это я так неуклюже и подло прикрываю собственную трусость?».

Неожиданно кровожадные чайхи прекратили свой уродливый танец и, воткнув копья в прибрежный светло-жёлтый песок, склонились в вежливых полупоклонах перед стройной пожилой индианкой, которая была на голову выше двух других.

– Нечасто такое происходит, нечасто..., – удивлённо покачал седой головой Борх. – Вернее, совсем редко. Один раз в семьдесят-девяносто Больших Солнц... А Эйри – молодец! Никогда не думал, что она такая отважная и благородная...

– Кто такая – Эйри? И что же, собственно, происходит – один раз в семьдесят-девяносто лет?

– «Эйри» – так зовут высокую старуху. Какой же она была красавицей в молодости! Стройная, как тростинка камышовая, шея длинная, грудь высокая и упругая... Даже я частенько засматривался. Но она – чистокровная чайхи, следовательно, тёмное порождение ненасытного Зла. Ладно, дело прошлое... Эйри добровольно, без многочасовых пыток, согласилась прыгнуть в «кипящий глаз». То есть, в бездонный земной провал, откуда выливается – в наш Мир – «жидкий огонь»... Понимаешь меня?

– Нет, не понимаю, – честно признался Алекс. – Какая разница – умереть от меткого удара копьем под сердце, или же прыгнуть в жерло действующего вулкана?

– Большая разница, недогадливый сеньор командор. Я бы сказал – огромная... Во-первых, добровольный прыжок в «кипящий глаз» – это подарок всесильным и могущественным Богам. Они после этого, непременно, будут добры ко всему племени. Во-вторых, престарелых подруг Эйри отпустят на все четыре стороны. В-третьих, теперь к её мужу – старику Нору – все чайхи будут относиться с почтением и, более того, обеспечат ему сытую старость. Только, вот, её бессмертная Душа... Ведь, и у вас, бледнолицых, тем, кто ушёл из жизни по собственной воле, то есть, раньше отведённого Небесами срока, полагается Ад? Чайхи тоже истово верят во что-то похожее. Искренне и крепко верят... Так что, для такого отчаянного и благородного поступка необходимо недюжинное мужество. Эйри – отважная женщина!

Две низкорослые старухи торопливо, не оглядываясь, бодро засеменили прочь от берега Магелланова пролива. А Эйри, гордо вскинув голову, величественно зашагала – в сопровождении двенадцати воинов – к туземным пирогам.

– Что же дальше? – спросил Алекс.

– Завтра в полдень, командор, мы с тобой встретимся на этом же месте. Встретимся и пойдём к высоким горам с «кипящими глазами». К тем, которые ты, наивный глупец, считал Ахероном... Путь предстоит долгий и трудный, прихвати с собой побольше еды, оружие, тёплые вещи и одеяла. Подзорную трубу не забудь. А послезавтра, на раннем алом рассвете, ты, неразумный мальчишка, поймёшь, что же такое – на самом деле – Амфисбена...

Команда «Святой Анны» встретила известие об отбытии командора экспедиции – на несколько суток, в неизвестном направлении и в подозрительной компании – на удивление спокойно. Только штурман Альварес не преминул немного поворчать:

– Всё-то вам неймётся, уважаемый дон Алехандро. Снова жарких приключений ищите на свою благородную задницу. Простите, конечно, но не кончится это добром, ей-ей. Помяните моё слово...

– Ладно тебе, старый перец, – незлобиво усмехнулся Алекс. – Ждите меня здесь десять суток. А если не вернусь, то снимайтесь с якорей и плывите дальше. То бишь, до самых Японских островов. Командором – в этом скорбном случае – станет дон Сантьяго Карлуш, капитан «Святого Сальватора»...

В назначенное время Алекс – с пухлым и тяжелым вещмешком за плечами – отправился к назначенному месту встречи. Отойдя метров на сорок-пятьдесят от корабельной шлюпки, он обернулся и, прощально махнув рукой подчинённым, негромко пробормотал:

– Если не вернусь, то, наверняка, на свет Божий родится очередная красивая легенда. Например, о том, как любопытный и легкомысленный командор Кабрал отправился в гости к коварному Ахерону, а тот, морда наглая, безжалостно сожрал наивного и доверчивого дона Алехандро, благородно поделившись нежданной добычей с вечно-голодной Амфисбеной...

Яркий и уютный костерок горел-трепетал на прежнем месте. Кроме Борха и Айники – метрах в двадцати-тридцати от костра – лениво обглаживали с прибрежных камней мох и лишайники четыре ушастых мула.

После короткого обмена дежурными приветствиями пожилой арауканец одобрительно усмехнулся:

– Смотрю, Кабрал, ты прислушался к моему совету. От души набрал припасов, впрок.

– Только прогорклая говяжья солонина и ржаные сухари, пропитанные оливковым маслом. Корабельный ассортимент, извини, не богат...

– У нас тоже нет ничего особенного, – мягко улыбнувшись, сообщила на арауканском языке слепая Айника. – Вяленое мясо вигони⁷, картофель, сушёные бобы и перепелиные яйца.

«Какой же у неё необычный голос!», – удивился про себя Алекс. – «Мелодичный и певучий. Нежный и звучный. Никогда не слышал такого...».

Один из мулов – самый высокий в холке и более тёмный по окрасу – был густо увешан крохотными колокольчиками-бубенчиками.

– Колокольчики – для дочери, – пояснил Борх, заметив любопытный взгляд Алекса. – Она будет править своим мулом, ориентируясь на их тоненький звон. Я еду первым – на муле с колокольчиками. За мной следует Айника. Потом мул с поклажей. Ты, дон Алехандро, замыкаешь походную колонну... Направимся на юго-восток. Обойдём – по седловине горного перевала – «кипящие глаза» стороной. Так надо, командор. Долго объяснять. Завтра на рассвете ты всё поймёшь сам...

Через шесть часов караван путников свернул в узкую горную долину, склоны которой были покрыты низенькими кустиками южно-американского дурмана. Возле большого красно-белого валуна старый индеец остановил передового мула и невозмутимо объявил:

– Пожалуй, сделаем привал. Длинный и серьёзный. Пообедаем, покурим, поболтаем.

– Может, поищем другое местечко? – подъезжая к приметному камню и брезгливо морща нос, предложил Алекс. – Аромат здесь... э-э-э, необычайно-противный...

– Ты же змеями, кажется, интересовался?

– Верно, интересовался.

– Поэтому мы и остановились в Змеином ущелье. Где растёт дурман, там всегда ползает много змей. Всяких и разных. Больших и маленьких. Ядовитых и безвредных. Смертельно-опасных и полезных...

---

⁷ Вигонь – второе название южноамериканской альпаки.

Змей, действительно, вокруг было с избытком. Чёрные, серебристые и тёмно-коричневые узорчатые тела мелькали и тут, и там.

Видя, что его бледнолицый компаньон посматривает по сторонам с ярко-выраженной опаской, Борх мимолётно улыбнулся – характерной улыбкой итальянской тряпичной куклы Пьеро. Вытащив из объёмной седельной сумки аккуратный бронзовый топорик, он подошёл к красно-белому камню и, примерившись, несколько раз сильно ударил по нему обухом. Низкий и очень тревожный звук вязко и медленно поплыл над горной долиной, незримо дробясь на отдельные, непривычно-длинные октавы...

– Сейчас все змеи попрячутся по тайным норам, – уверенно пообещал старик. – Они очень боятся этого звука. Все. Кроме амфисбен.

– Ты хочешь сказать, что...

– Вот, именно. Очень скоро, командор, ты встретишься с желанной амфисбеной... Как же это объяснить, чтобы ты понял? С той амфисбеной, которая пишется с маленькой буквы. С жалким подобием и призрачной тенью Амфисбены настоящей.

Они сноровисто и умело разожгли дельный костёр. Борх и Алекс занялись приготовлением скромного походного обеда. На первое предполагался наваристый бобовый суп, заправленный картофелем и говяжьей солониной. А на второе – яичница из перепелиных яиц с мелко-нарезанными кусочками окорока вигони.

Айника же, опираясь на палку-посох, ушла вверх по склону горной долины. Алекс непроизвольно залюбовался её стройной фигуркой.

– Решила собрать немного плодов дурмана, – пояснил старик. – Его тёмно-фиолетовые ягоды, предварительно высушенные и тщательно растёртые в порошок, можно иногда добавлять в табак. Выкуришь такую трубочку поздним вечером, а потом всю ночь напролёт – если, конечно, повезёт – тебе снятся очень интересные и увлекательные сны. Яркие такие, красочные, запоминающиеся. Сны о других – незнакомых и призрачных – Мирах...

Трапеза уже приближалась к завершению, когда за приметным красно-белым камнем раздалось громкое и размеренное шипенье – крайне неприятное для слуха.

– Вот, и долгожданная амфисбена пожаловала к нам в гости, – торопливо поднимаясь на ноги, невозмутимо объявил Борх. – Пойдём, посмотрим. Захвати с собой, сеньор командор, большой кусок жирной солонины. А свою шпагу отдай Айнике, она позаботится о нашей безопасности...

Змея откровенно впечатляла – длиной метра четыре с половиной, толстая, как три причальных, вместе сложенных каната, кожа кремово-бежевая, густо-покрытая иссиня-черными узорами. Только, вот, прямоугольная голова, украшенная жёлто-янтарными глазищами, была одна. Хвост же заканчивался странным увесистым наростом, слегка напоминавшим гигантскую сосновую шишку.

Массивная голова гадины угрожающе приподнялась над землёй на добрые полметра. Глаза-фары мерцали недобро и откровенно голодно. Злое и раздражённое шипенье не прекращалось ни на секунду.

– Не подходи к ней близко, – добросердечно посоветовал Борх. – Просто брось кусок жирной солонины на землю, отойди в сторону и наблюдай.

После того, как змея, жадно давясь, проворно проглотила предложенное угощение, Алекс спросил:

– Где же вторая голова, уважаемый Борх? Как же так? Древние легенды всё наврали?

– Подожди немного, торопыга, – туземец в очередной раз изобразил грустную улыбку итальянской куклы Пьеро. – Всему, как известно, своё время.

Круглые глаза амфисбены неожиданно потухли и через десять-двенадцать секунд медленно закрылись. Змеиная голова, мелко-мелко подрагивая, сморщилась и...превратилась (трансформировалась?), в некое подобие гигантской сосновой шишки, усеянной разноразмер-

ными чешуйками. Тут же, словно бы по чьей-то неслышимой для человеческого уха команде, ожила «сосновая шишка», расположенная на хвосте холоднокровного существа...

И минуты не прошло, а на Алекса уже пристально и плотоядно смотрели-пялились голодные жёлто-янтарные глаза-фары «новой» головы.

– И так может продолжаться долго, до полной и нескончаемой бесконечности. То есть, до безвременной смерти от хронического и пошлого обжорства... Как только одна из змеиных голов насыщается и крепко засыпает, так тут же, без промедления, просыпается другая, бесконечно-голодная и жадная голова, – равнодушным и сонным голосом прокомментировал Борх. – Плохо это, командор Кабрал. И, в первую очередь, для самих амфисбен. И ста Больших Солнц не пройдёт, как они навсегда исчезнут из нашего Мира. То бишь, вымрут, растворившись в туманной и загадочной Неизвестности. Только страшные сказки, предания и легенды – про них – останутся...

Змея же, вовсе, не была расположена к выслушиванию заумных философских сентенций пожилого индейца. Её длинное тело, угрожающе сворачиваясь в широкие кольца, напряглось, явно готовясь к атакующему прыжку. Мерзкая пасть твари широко раскрылась, демонстрируя окружающим острые и длинные зубы.

Алекс непроизвольно отшатнулся в сторону, собираясь беззастенчиво задать стрекоча.

– Айника, – негромко позвал Борх. – Пора.

Девушка появилась из-за противоположного выступа красно-белой скалы уже через десятые доли секунды. Изящный, быстрый, еле подвластный человеческому глазу пируэт. Второй. Резкий взмах шпагой – только испуганные солнечные зайчики заполошно поскакали в разные стороны...

Две половинки разрубленной амфисбены, подёргавшись с минуту в предсмертной агонии, безвольно замерли.

– Почему же они лежат неподвижно? – непонимающе вскинул брови вверх Алекс. – Почему – не срastaются?

– Жадность непременно приводит к смерти. Всегда, – очень тихо проговорила Айника. – Жадность – смерть. Смерть – жадность. Это, в сущности, одно и то же... Как же разрубленная Жадность может срastись? Срашиваться, значит, отдавать. Жадность же может только забирать и отнимать...

– А настоящая Амфисбена? Если её разрубить?

– Настоящая – срastётся. Всегда и непременно. На сколько частей её не разорви.

– Стоит ли тратить драгоценное время на пустые разговоры? – недовольно поморщился Борх. – Пора в дорогу. А она, как известно, не любит пустословия...

Уже на шикарном нежно-малиновом закате, вволю попетляв по скалистым плоскогорьям, узким долинам и горным перевалам, они подошли к входу в пещеру.

– Освобождаем мулов от упряжи, – распорядился Борх. – Дочка, принеси им из пещеры сена, – объяснил для Алекса: – Пусть немного погуляют и порезвятся на свободе. Агуаров⁸ здесь нет. А от пещеры, где хранятся запасы вкусного сена, мулы далеко не отойдут. Умные...

Пещера оказалась бесконечно-длинной. Первые двести-триста метров путники продвигались в пугающей темноте, только слегка разбавленной крохотным бледно-жёлтым огоньком горящей свечи, зажатой в узкой ладони Айники. Потом, постепенно, подземное пространство начало заполняться загадочным призрачно-розовым светом, который – по мере продвижения вперёд – превращался в нежно-алый. Температура окружающего воздуха неуклонно повышалась, горячий пот застилал глаза, нестерпимо хотелось сбросить с себя все одежды.

Алый свет, как оказалось, лился из длинной, очень узкой щели в пещерной стене.

---

⁸ Агуар – южноамериканский степной волк.

«Наверное, это прощальные отсветы заходящего солнца», – мысленно решил Алекс, но тут же сам и отверг эту версию: – «Нет, этого не может быть. Ведь, запад находится в противоположной стороне...».

– Закляни-ка, командор Кабрал, в это отверстие, – посоветовал Борх.

Он, осторожно приблизившись к стене, заглянул.

До кратера действующего вулкана было метров триста пятьдесят, не больше.

«Что же, теперь многое становится понятным», – внутренне усмехнулся Алекс. – «В том числе, и почему здесь так нестерпимо жарко. Можно даже – с большой степенью уверенности – предположить, что за спектакль нам предстоит наблюдать завтра, на нежном рассвете. А также – почему мы зашли к действующему вулкану именно с юга...».

Геометрически жерло вулкана являлось овалом с неровными краями, наклонёнными – по отношению к горизонтальной плоскости – с юга на север. То есть, раскалённая булькающая лава – время от времени – переливалась именно через северный край жерла, а южные склоны кратера оставались полностью безопасными для передвижения по ним.

– Ложимся спать! – велел пожилой туземец. – Только отойдём по пещере на юго-запад. Чтобы не было так жарко...

Ночью Алекс спал – на мягком, хорошо-просушенном сене – крепко и спокойно. Снилось ему Айника. Только совсем не слепая, да и звериных шкур на ней не было и в помине. Огромные, чуть задумчивые тёмно-зелёные глаза, длинное бальное платье с открытым декольте, томные и чарующие звуки старинного вальса...

Утром, примерно за полчаса до рассвета, его разбудил Борх. Показал, подсвечивая факелом, где можно умыться чистой родниковой водой, накормил куском вяленой вигони на морском сухаре, после чего, став очень серьёзным, спросил:

– Пойдём посмотреть на Амфисбену? На ту, которая – настоящая? Не раздумал за ночь?

Алекс, чувствуя рядом горячее дыхание Айники, приник глазами к узкой щели в пещерной стене.

Первые, ещё робкие и холодные лучи утреннего солнышка осветили южный склон безымянного вулкана. Болезненно-тощие спирали молочно-белого тумана загадочно клубились в многочисленных долинах и лощинах. Идеальную горную тишину нарушало только чуть слышное бульканье раскалённой вулканической лавы в котле кратера. То есть, в «кипящем глазе», выражаясь по-атагонски.

– Идут, – едва слышно прошептала Айника, и Алекс почувствовал, как учащённо забилось его сердце, а к горлу – неожиданно – подкатил колючий ледяной комок.

По пологому южному склону вулкана медленно и торжественно поднимались – испуганной молчаливой толпой – чайхи. Человек шестьдесят-семьдесят. Мужчины, женщины, дети, старики.

Впереди толпы, демонстрируя всему окружавшему её Миру бесконечно-гордую осанку, шла Эйри. Та самая высокая и костистая старуха, ослепительная красавица – в далёкой и беспечной молодости, ушедшей навсегда...

Не доходя до края кратера порядка ста пятидесяти метров, туземцы нерешительно остановились и, бестолково погалдев три-четыре минуты, замолчали, после чего дружно бухнулись на колени, раболепно воздев к небу сложенные вместе ладони. Эйри, низко поклонившись соплеменникам, развернулась и – короткими шажками – двинулась дальше...

Ощущалось, что каждые два-три пройденных метра давались ей ценой невероятных усилий. Пожилая женщина постоянно пригибалась к земле и отворачивалась, старательно прикрывая лицо полкой длинного плаща... Но, вот, когда до жерла вулкана оставалось пройти семь-восемь метров, её длинные седые волосы вспыхнули – словно отростки сухого белого мха, превращая индианку – за считанные секунды – в ярко-горевший факел.

Эйри, тем не менее, дошагала до заветной кромки кратера. Воздев вверх руки, объятые оранжево-малиновым пламенем, она что-то громко и протяжно прокричала в бездонное утреннее небо – без малейших следов горести, боли и обиды в голосе.

«Очень странно...», – заторможено подумал Алекс. – «Дон Франсиско уверял, что здесь мне будут подвластны все языки и наречия нашей древней планеты. Но эти слова – мне абсолютно непонятны и незнакомы...».

Раздался последний – величественный и гордый вскрик. Тело Эйри, со всех сторон охваченное пламенем, навсегда скрылось в кипящей огненной бездне...

После этого – на протяжении пятнадцати-двадцати минут – ровным счётом ничего не происходило: коленопреклонённые туземцы всё также истово молились своим жестокосердным Богам, вулкан всё также булькал – спокойно, размеренно и ненавязчиво...

– Что дальше? – спросил Алекс. – Мы чего-то ждём?

– Ждём, – невозмутимо подтвердила Айника. – Амфисбену.

Вскоре чайхи – мужчины, женщины, дети и пожилые индивидуумы – неловко пятясь задом и безостановочно кланяясь, дружно и слаженно двинулись вниз по склону. Все, кроме одного.

Низенький и тщедушный старикан, одетый в короткий плащ, пошитый, судя по характерному блеску, из шкур озёрных выдр, так и остался стоять на коленях, опустив седовласую голову к земле.

– Это Нор, муж Эйри, переселившейся на Небеса, – равнодушно сообщил Борх. – А, ведь, и я мог сейчас оказаться на его месте. Если бы не избыточная гордыня и глупые предрассудки... Ага, вот, и наша Эйри! Посмотри на небо, командор... Видишь, маленькое светлое пятнышко зависло – прямо над «кипящим глазом»?

– Вижу.

– Это её Душа. Ждёт Душу своего возлюбленного...

Алекс – через окуляры мощной подзорной трубы – прекрасно видел, как старый чайхи, смахнув с морщинистых щёк крупные слезинки, неторопливо извлёк из кожаных ножен, закреплённых на узком поясе, длинный и тусклый клинок.

Короткий взмах, и худое тело Нора безвольно распласталось на чёрных камнях горного склона. Ручейки алой крови, частично впитываемые жадной почвой, весело и беззаботно заструились вниз по склону, навстречу... Навстречу – с чем? С кем? Кто знает...

А ещё через секунду-другую Алекс увидел, как из тела мертвеца (может, просто показалось, привиделось?), вверх взметнулась смутная, едва различимая светло-зелёная полоска...

Он медленно перевёл взгляд в небо (на Небо?). Два бесконечно-светлых, неясных и призрачных пятнышка неуклонно сближались... Вспышка! Яркая и короткая, как жизнь истинных героев...

– Вот, она – Амфисбена, – зачарованно прошептала Айника. – Любовь между мужчиной и женщиной, двухголовая змея... Одна голова мужская, другая женская. Разрубай Амфисбену на мелкие части – сколько хочешь. А она всё равно срастётся, назло всяким уродам, ханжам, лицемерам и подлецам. Если, конечно, эта любовь – настоящая...

Заночевали они возле уже знакомого красно-белого валуна. Молча, поужинали, любуясь на философски-задумчивый, беззащитно-малиновый закат. А потом легли спать.

– Просыпайся, командор! – разбудил его звонкий девичий голос, говоривший на безупречном испанском языке. – Срочно доставай Зеркала Борхеса! Смерть ходит рядом...

Глава третья

Банши⁹ и брауни¹⁰

Вокруг, насколько хватало взгляда, простирались изумрудно-зелёные невысокие холмы, покатые вершины которых были покрыты серо-коричневыми каменными россыпями и тёмно-бурыми валунами. На склонах холмов – местами – наблюдались бело-серые точки, в которых опытный глаз безо всякого труда опознавал пасущихся упитанных овец.

Алекс, обеспокоенно повертев головой по сторонам, непонимающе пробормотал:

– Куда же, интересно, подевались Борх и Айника? Да и окружающий пейзаж поменялся самым кардинальным образом. Ничего не понимаю... На рассвете меня разбудила Айника, мол: – «Просыпайся, командор Кабрал! Срочно доставай Зеркала Борхеса! Смерть ходит рядом...». Понятное дело, что я её безоговорочно послушался и, не теряя времени на расспросы, тут же посмотрелся в светлое Зеркало... И что же? Скорее всего, «перенёсся» в следующий сон. Как и обещал таинственный сеньор Франсиско Асеведо, Генеральный директор компании «Заветные сны». Ага, в ладони моей правой руки зажат некий овальный предмет, а на зелёной травке лежит чёрный бархатный мешочек...

Старательно отводя глаза в сторону, чтобы случайно не заглянуть в поверхность «волшебных» Зеркал, он поместил крохотный зеркальный овал в бархатный футляр, крепко заделал короткий шёлковый шнурок и запихал мешочек в правый карман ... э-э-э, одежды.

– Во что это я одет? – засомневался Алекс. – То ли бесформенный сюртук, то ли плохо пошитый камзол грязно-бежевого цвета с прямоугольными деревянными пуговицами. Неаппетитная клоунская хламида, короче говоря... Под хламидой же наблюдается серая холщовая блуза, заправленная в такие же штаны, напоминающие своим покроем пошлые армейские кальсоны. Башмаки, вообще, мрак полный: неудобные, громоздкие, откровенно-страшные. Из чего, интересно, они сделаны? Похоже, что это старый свалявшийся войлок, неряшливо-обшитый обрывками чёрной коровьей шкуры, а подошвы, и вообще, деревянные... А зовут меня нынче – «Шелдон». Это – имя? Фамилия? Хрен его знает, честно говоря. Шелдон и всё тут. Из этого обстоятельства и будем исходить... Где я сейчас нахожусь? Учитывая «Шелдона», изумрудно-зелёные покатые холмы и многочисленных бело-серых овец, можно предположить, что мне любезно предложили посетить Ирландию. Причём, судя по допотопной одежде и обуви, древнюю... Насколько – древнюю? Средние века, по крайней мере, ещё точно не наступили. То бишь, совершенно непонятно – относительно Новой Эры. Скорее всего, она где-то рядом... Вон – на соседнем холме – возвышается, сверкая тонкими кварцевыми прожилками в лучах ласкового утреннего солнышка, солидный каменный идол, грубо-вырубленный из обломка гранитной скалы. Языческий идол, надо думать... Напрасно, честное слово, тутошние умельцы задействовали для этих целей гранит. Очень, уж, ненадёжная горная порода, то есть, чрезмерно-подверженная ветровой и климатической эрозии. И ста пятидесяти лет не пройдёт, а этот многометровый каменный истукан уже превратится в банальную каменную труху, которая – в свою очередь – будет разнесена дождевыми бойкими ручейками по всей Ирландии... Сiju, как последний дурачок, на придорожном шершавом валуне, причём, практически безоружный. Не считать же за полноценное оружие этот грубый и тупой ножик в деревянных ножнах, закреплённых на стареньком кожаном поясе? Лезвие имеет какой-то подозрительный тёмно-матовый цвет. Может, оно изготовлено из бронзы? Да, откровенная халтура. Сломается

---

⁹ Банши – персонаж ирландского эпоса, женщина, предупреждающая громким воем чистокровных кельтов о возможной опасности.

¹⁰ Брауни – персонажи ирландского и шотландского эпоса, услужливые человечки бурого цвета, аналог русских «домовых», любят выполнять – пока хозяева дома спят – различные повседневные работы.

– видит Бог – при первом же серьёзном ударе... На придорожном валуне? Ну, да. Вот же, она, просёлочная дорога. Змеится совсем рядом. Узкая, достаточно-наезженная, но без каких-либо ярко-выраженных колеиных следов. Впрочем, в этом нет ничего странного и необычного. Почва здесь песчанистая и малоглинистая. Очевидно, дождевая вода оперативно уходит в землю, не создавая значимых предпосылок для возникновения непролазной дорожной грязи...

Из-за пологого холма, находившегося – судя по расположению солнечного диска на небосклоне – с северо-западной стороны, долетели негромкие, но, вместе с тем, подозрительные звуки. То есть, полноценный шумовой коктейль: тихонько скрипели колёсные оси, устало и недовольно пофыркивала лошадка, размеренно поднимавшаяся по дороге, доносились обрывистые женские смешки и приглушённый мужской голос, негромко напевавший – на смутно-знакомом языке – мелодичную песенку.

Постепенно слова песни заглушили все остальные звуки.

«Какой же это язык?», – задумался Алекс. – «Понятное дело, что нынче я являюсь максимально-подкованным полиглотом. Но, всё же... Да, безусловно, это гойдельская группа. Конкретный язык? Возможно – старо-шотландский. Или же, к примеру, классический мэнский. Хотя... Ирландский же, ясная кельтская кровь! О чём тут, спрашивается, рассуждать?».

Приятный, явно уже в возрасте, мужской голос пел:

Рассвет опять – застанет нас в дороге.
Камни и скалы. Да чьего-то коня – жалобный хрип.
Солнце взошло. На Небесах – проснулись Боги.
Они не дождутся – наших раболепных молитв.

Они не дождутся – ленивые и важные.
Не дождутся – по определению.
Я всё про них понял – однажды.
Шутов – нашего времени.

Рассвет, дорога, это – всё – наше.
Храмы, жертвоприношения – оставьте себе.
Вот, ещё одна святыня – тюремная параша.
Рядом с ней – шлюха, лежащая в неглиже.

Лишь рассвет и дорога – наши амулеты на этом Свете.
Для чего? Без цели, просто так.
А вы, уважаемые, деньги – без устали – копите.
Накопили? Заводите сторожевых собак.

Лишь дорога и степь – удел немногих.
В ожидании новых, славных битв.
На Небесах огромных опять проснулись – Боги...
Они не дождутся – наших раболепных молитв.

«Красивая песенка!», – решил про себя Алекс. – «Типа – с глубинным философским смыслом и подтекстом. Только, вот, откуда бы в древней Ирландии – взяться степи? Нестыковочка, однако...».

Наконец, на дороге показалась крытая повозка, влекомая вперёд старым, местами облезлым чёрным конём.

– Странная лошадка, – не вставая с камня, пробормотал Алекс. – Какая-то она, или же он... Широкая, с очень толстыми и короткими ногами. А диаметр тёмно-коричневых копыт, вообще, невероятный. В том плане, что невероятно-большой... А повозка-то солидная, ничего не скажешь. Просторная, крытая новёхонькими коровьими и лошадиными шкурами. Надёжное такое сооружение, практически – дом на колёсах. Никакая непогода с таким серьёзным движимым имуществом нестрашна. Колёса же деревянные. Впрочем, щедро оббитые по ободу широкими полосами тёмного железа. Вернее, бронзы...

Песенка – тем временем – стихла, а повозка, неприятно скрипнув напоследок колёсными осями, остановилась.

– Привет, путник! – из кожаного фургона на зелёную ирландскую травку спрыгнул кряжистый седобородый старикан, одетый непрезентабельно и скромно. – Тебя, кажется, Шелдонном величают? Не нас ли здесь дожидаясь, парнишка? – небрежно прикоснувшись толстым указательным пальцем к краю рваной широкополой шляпы, представился: – Генри Борхун, эсквайр. К твоим услугам.

– Может, и вас, – невозмутимо передёрнул плечами Алекс. – Кто, собственно, знает?

– Это точно, – понимающе хихикнув, согласился Борхун. – Кто, действительно, знает? Скажу по большому секрету, что иногда даже и сам Всевышний теряется в догадках – относительно истинной сущности знаковых событий, происходящих – время от времени – в нашем странном и призрачном Мире...

– С кем это ты болтаешь, дядюшка? – поинтересовался звонкий девичий голосок. – Сам с собой? Или с ирландскими вечнозелёными холмами?

Рядом с кряжистым мужичком появилась молоденькая девушка – невысокая, очень гибкая, рыженькая, одетая в длинное тёмно-фиолетовое платье, украшенное многочисленными светло-лимонными оборочками и рюшечками.

«Натуральная Скарлетт О Хара», – решил Алекс. – «Чётко ощущается, что характер у барышни, отнюдь, несладкий. Своевольная такая вся из себя, насмешливая, разговорчивая и свободолюбивая. И, естественно, чётко знает, чего хочет от этой жизни. Если такая чертовка втемаяшит что-либо в свою рыжеволосую голову, то её уже ни за что не переубедить. Дело откровенно-бесполезное и зряшное...».

– Здравствуй, Шелдон! – радостно и приветливо улыбнулась девица. – Давненько не виделись, бродяга! Как твоё самочувствие? Зажило правое плечо? Помнишь, как я извлекала из раны наконечник датской стрелы? Впрочем, стрела – запросто – могла оказаться и норвежской. Кто этих диких викингов разберёт?

– Это точно, все скандинавы – практически – на одно лицо, – осторожно откликнулся Алекс. – В том смысле, что на одну зверскую и бесстыжую морду. Только по бородам и можно немного ориентироваться. У шведов и датчан они, чаще всего, русые и пегие, а у норвежцев – слегка рыжеватые... А, вот, про наконечник стрелы, извлечённый из моего правого плеча, извини, не помню. Запомнил. У меня этих ран – и не сосчитать. Если каждую помнить, то и с ума можно, ненароком, сойти...

– Согласна с тобой, бродяга. Но имя-то моё, хотя бы, запомнил?

– Айника, кажется.

– У всех мужчин – память девичья, – неодобрительно поморщилась рыженькая девушка. – Меня зовут – «Аннель». Повтори.

– Аннель.

– Молодец. Хвалю... Поедешь с нами, Шелдон?

– А куда, если не секрет?

Девушка вопросительно посмотрела на своего пожилого спутника, и старик, задумчиво взлохматив седую бороду, важно известил:

– Сперва мы заглянем к Госпоже Банши, где Аннель и останется. А потом я отправлюсь к Эблана Сиватас¹¹, надо кое о чём переговорить-потолковать с Рыжим Эриком.

– А для чего Аннель останется у Госпожи? – небрежно поинтересовался Алекс. – Не самое симпатичное и безопасное место на нашей древней планете...

– В услужении останется. Ненадолго. Так надо... Ну, Шелдон, поедешь с нами?

– Пожалуй.

– Тогда, путник, запрыгивай.

Аннель устроилась внутри повозки, а Алекс, то есть, Шелдон уселся на козлы рядом с пожилым Генри.

– Вперёд, Ворон! Не ленись! – легонько щёлкнул вожжами Борхун. – Активней перебирай копытами. Время – не ждёт...

Просёлочная дорога лениво ползла-петляла между изумрудно-зелёными холмами, похожими друг на друга – как крохотные дождевые капли. Высоко в голубом и безоблачном небе щебетали беззаботные жаворонки. Один раз дорогу пересекла шустрая ярко-рыжая лиса, сжимавшая в острых белоснежных зубах тушку упитанного зайчонка.

Вокруг царила беспечно-однообразная обстановка, навевавшая сладкую предательскую дрему. Только тревожно-регулярные всхрапы угольно-чёрного Ворона не давали заснуть.

– Волнуется, бедняга, – громко высморкавшись в широкий рукав буро-серой хламиды, пояснил седобородый Борхун. – Мы уже въехали во владения Госпожи Банши. Неуютное местечко... Правда, ведь, Шелдон?

Алекс неопределённо передёрнул плечами – в прямой видимости по-прежнему наблюдались лишь покатые зелёные холмы и узкие лощины, по которым протекали сонные ручейки и речушки. Впрочем, в окружающем воздухе, действительно, явственно ощущалась ... м-м-м, определённая тревога. Более того, создавалось устойчивое впечатление, что и сам воздух стал более вязким и плотным...

Издалека донёсся звонкий и бодрый перестук, явственно запахло мирным деревенским дымком и железной окалиной.

Дорога, резко свернув в сторону, забралась на вершину ближайшего холма, и Алекс непроизвольно присвистнул:

– Ничего себе! Натуральная картина маслом под названием – «Труды праведные. Упорные, тяжёлые и бесконечные...».

– Это точно, – невесело хохотнул Генри. – Умеет наша драгоценная Банши правильно организовать и выстроить рабочий процесс. Этого у неё не отнять. Никогда, никому и ни за что. Впрочем, как и многое другое. Госпожа, одно слово... Однако, попробовать стоит. Почему бы и нет? Попытка, как говорится, не пытка...

За холмом располагалась широкая извилистая долина, заполненная низенькими светло-коричневыми фигурками.

– Кто это такие? – спросил Алекс.

– Конечно же, брауни, – тяжело вздохнув, откликнулся Борхун. – Кто же, спрашивается, ещё? Стыдно, Шелдон, не знать таких простейших и элементарных вещей – из повседневной ирландской жизни.

– Брауни? Лица у них бледные какие-то и ... э-э-э, детские...

– Брауни и есть – дети. Чистокровные дети Ирландии.

– Это как?

---

¹¹ Эблана Сиватас – древнее поселение викингов, на месте которого позже возник город Дублин, современная столица Ирландии.

– Да, вот, так. Чистокровные... Именно поэтому Банши и бережёт их – пуще зеницы ока. То бишь, не отпускает брауни от себя, в смысле, из этой долины. Мол, чистота крови, она дороже всего на свете...

Низенькие светло-коричневые человечки продолжали усердно и безропотно трудиться. Одни вывозили из тёмного провала пещеры – в крутом склоне холма – неуклюжие тележки-тачки, гружённые тёмными неровными камнями. Другие жгли высокие жаркие костры и без усталости стучали по наковальням тяжёлыми кузнечными молотами. Третьи усердно работали лопатами, выкапывая в земле большие ямы.

– Плавят бронзу и железо, – объяснил Генри. – Брауни – потомственные кузнецы и рудознатцы.

– А для чего – плавят?

– Изготавливают дельный горный инструмент. Свёрла, долота, кирки. Потом полезут под землю – добывать для Госпожи рубины, изумруды, опалы и топазы.

– Разве в Ирландии можно отыскать самоцветы? – удивился Алекс. – Никогда не слышал ни о чём подобном.

– Можно, Шелдон. Можно... Но только при одном непреложном условии. То есть, если ты – брауни, плоть от плоти этой загадочной и прекрасной земли. Поэтому Госпожа Банши так и печётся о чистоте крови своих верных вассалов.

Возле дорожной развилки возвышался широкий и высокий тёмно-синий бархатный шатёр, щедро-расшитый золотыми и серебряными нитями.

«Ерунда какая-то!», – подумал Алекс. – «Откуда в древней Ирландии, на побережье которой расположены поселения скандинавских викингов, могли взяться китайские и японские иероглифы? Но, тем не менее, наблюдаются. Именно ими и расписаны, то есть, расшиты стенки куполообразного шатра. Бывает, конечно...

Седобородый возница плавно натянул вожжи, чёрный Ворон, недовольно всхрапнув, остановился возле необычного шатра.

– Ссаживаемся! – скомандовал Борхун. – Приехали, ребятки.

Алекс ловко спрыгнул на пыльную просёлочную дорогу и, старательно разминая затёкшую поясницу, сделал несколько активных наклонов-приседаний.

– Смотрю, Шелдон, у тебя нынче со спиной всё в полном порядке, – прозвучал рядом насмешливый девичий голосок. – А в прошлую нашу встречу, когда ты изволил свалиться с высокой скалы, у тебя, родимого, даже ноги отнялись. В том плане, что упрямо не соглашались ходить.

– Где это произошло? – на всякий случай уточнил Алекс.

– В Южной Америке, – загадочно усмехнулась Аннель. – Рядом с Магеллановым проливом. Если ты, недотёпа, конечно же, понимаешь, о чём я толкую.

– Понимаю. В общих чертах...

Тёмно-синие, местами золотисто-серебряные створки шатра резко разошлись в разные стороны, и на просёлочную дорогу выбрались два воина самого страхолюдного вида – высокие, явно за два метра, широкоплечие, в светло-серебристых кольчугах, с заострёнными шлемами на лохматых головах.

– Чего надо, путники проезжающие? – с лёгким гортанным акцентом рявкнул один из охранников, многозначительно поглаживая светло-жёлтой ладонью чёрную рукоять длинного двуручного меча. – Дорогой, часом, не ошиблись?

– Не ошиблись, – лучезарно улынувшись, заверила Аннель. – Нам нужна высокородная Банши. Мы заранее договаривались о встрече. Сообщите, узкоглазые морды, о нашем прибытии.

– Она, что же, издевается над нами? – недобрым голосом предположил второй воин. – Может, посечь эту подозрительную рыжеволосую чертовку – в длинную китайскую лапшу? А

потом эту лапшу отварить с острыми восточными специями и подать нашей обожаемой Госпоже на обед?

– Отставить, китайскую лапшу! – донёсся властный, слегка хриловатый старушечий голос. – На обед у меня запланирована речная форель, запечённая на углях в керамическом горшочке – с мучной подливкой, сдобренной толчёными изумрудами...

Из тёмно-синего шатра, тяжело опираясь на белую длинную трость, вышла пожилая костистая женщина среднего роста, облачённая в добротные и нарядные одежды. За властной дамой, угрожающе пыхтя, следовали ещё два могучих телохранителя, причём – на этот раз – в стильных рыцарских доспехах.

«Очередная навороченная шарада!», – мысленно возмутился Алекс. – «То бишь, полное смешение Времён и стилей... Дама, бесспорно, одета по моде начала восемнадцатого века. Только небесно-голубое сильно-декольтированное платье – откровенно коротковато. А из-под него торчат пышные турецкие шальвары нежно-персикового цвета и ярко-алые остроносые мужские туфли... Сама женщина? Женщина ли она? Плоское, абсолютно белое лицо-маска, украшенное характерной улыбкой тряпичной итальянской куклы Пьеро – уголки губ печально опущены вниз. А ещё, вполне вероятно, что она слепая. Глаза очень светлые, пустые, совсем без зрачков...

– Доброго вам здоровья, благородная Госпожа Банши! – склонился в низком почтительном поклоне Борхун. – Пусть наша древняя ирландская земля будет неистощима на разнообразные цветные камушки!

Странная женщина, непонятно вздохнув и практически не разжимая тонких бесцветных губ, ответила:

– Спасибо тебе, старик Генри, за добрые и вежливые слова. А, главное, за правильное понимание сути вопроса. Древняя ирландская земля, она, воистину, бесценна. По крайней мере, до тех пор, пока существуют мои верные брауни. Чистая кровь... Эта девушка, как я понимаю, твоя племянница Аннель, о которой был разговор прошлой осенью? Я её, естественно, не вижу, но ощущаю присутствие.

– Да, это она.

– Подойди ко мне, девушка... Эй, воины! Почему так расшумелись подлые и глупые брауни? Немедленно навести порядок! Пусть рабы трудятся в тишине...

Два первых телохранителя, достав из-за широких голенищ сапог чёрные солидные хлысты, отошли за нарядный шатёр. Вскоре оттуда послышались громкие щелчки кнутов, болезненные стоны-всхлипы крохотных несчастных работников и грозные окрики охранников:

– Работать – в полной тишине, морды! Не разговаривать! Не беспокоить высокородную Госпожу!

Аннель – мелкими неуверенными шажками, испуганно сглатывая слюну – подошла к странной старухе.

– С брауни нужен глаз да глаз, – сварливо пояснила Банши, обращаясь, в первую очередь, к Аннель. – Если народ, пусть и чистокровный, почувствует слабость, то непременно учудит восстание. Непременно... Свергнет Власть и разорвёт всех её верных слуг на мелкие кусочки. Потом – от навалившихся забот и хлопот – с ума сойдёшь, головы рубя беспощадно. Устанешь отмываться от солоноватой кровушки. Устанешь... Так-с, красавица, – опустила бледную морщинистую ладошку на рыжеволосую голову девушки. – Похоже, что Борхун не соврал. В твоих жилах, действительно, течёт чистая ирландская кровь... Согласна стать моей верной служанкой, подругой, наложницей и помощницей?

– Согласна. Искренне, от всей Души.

– Похоже, что не врёшь. Похоже, что говоришь правду... Или же только полуправду? Ладно, посмотрим – годишься ли ты для дел важных. Посмотрим... Готова ли ты – ради чистоты крови – пытаться, мучить, резать и убивать?

– Готова, Госпожа. Клянусь!

– Ладно, проверим, – Банши брезгливо и недоверчиво задёрнула носом-кнопкой: – Э-э-э... Генри, а кто это стоит рядом с тобой? Запах какой-то ... м-м-м, незнакомый, нездешний и тревожный.

– Путник проходящий, – беззаботно откликнулся Борхун. – Следует в Эблана Сиватас.

– Варяг? То бишь, викинг? Бывает... Увози его отсюда! Быстро! Ненавижу – чужую кровь! А за племяшку – спасибо. Наши благодарности. Признательна и всё такое прочее. Сочтёмся...

Повозка, миновав несколько изумрудно-зелёных холмов, отъехала от владений Госпожи Банши на добрых двадцать-тридцать миль. Светло-жёлтое солнышко приблизилось к неровной линии горизонта, из ближайшей лощины ожидаемо пахнуло ранним погожим вечером. Смолкли жаворонки, вокруг установилась абсолютная тишина.

– Приближаемся к полноводной реке, – объявил Генри. – На её высоком берегу и остановимся на ночлег. Разожжём походный костёр, попробуем – на тихой вечерней зорьке – наловить приличной рыбки. Держи, Шелдон! – протянул уродливый бронзовый ключ. – В возке, с правой стороны, найдёшь длинный деревянный сундук. Открой его и выпусти пленницу на свободу. Чай, засиделась там, проголодалась, бедняжка...

Алекс – в полной темноте, ничего толком не понимая и с трудом удерживая равновесие – прошёл внутрь фургона, отыскал длинный сундук, нашарил ладонью замочную скважину, вставил туда ключ, повернул его – с тихим скрежетом – до упора и, взявшись за бронзовую ручку, открыл-откинул крышку.

– Спасибочки вам, мистер! – вежливо поблагодарил звонкий девичий голосок. – Премного благодарна и признательна! Подайте же даме руку и помогите выбраться из этого дурацкого узилища.

– Аннель? – опешил Алекс. – Как же так? Ты же осталась там, в долине Госпожи Банши.

– Меня зовут – Аннета, – смешливо прыснув, сообщила девушка. – Нас, ведь, двое. Мы сёстры-близнецы. Понимаешь, Шелдон?

– Пока не очень, честно говоря.

– Ничего, скоро поймёшь. Я обещаю...

На обрывистом речном берегу горел уютный, в меру яркий и жаркий костерок.

– Похоже, рыбка уже приготовилась, – объявил Борхун, беря в руки толстый ольховый прут, на который была нанизана крупная пятнистая форель. – А золотистая корочка, вообще, неземной восторг... Эль уже розлит по кружкам? Молодцы! Разбирайте свои прутья с рыбой. Будем, что называется, беззаботно и весело пировать...

Форель была по-настоящему вкусна, а ирландский эль – ароматен, сладко-горек и заборист.

– В чём же смысл этого запутанного ребуса? – старательно обтирая жирные пальцы о собственные штаны, поинтересовался Алекс. – Для чего одна из сестричек пряталась в сундуке?

– Всё очень просто, Шелдон, – заговорщицки подмигнул Генри. – Мои сердобольные девочки, видишь ли, решили освободить этих несчастных и затюканных брауни из рабства. Мол, ну её, эту хваленую чистоту крови. Пусть бурые трудолюбивые человечки живут нормальной и спокойной жизнью, среди обычных людей... Аннель вскоре войдёт в доверие к Госпоже Банши и уговорит её поехать к морю, мол, в тамошних прибрежных скалах – много крупных изумрудов и чёрных опалов. Чуть погода в долине, где обитают брауни, появится Аннета и поведаст, что Госпожа безвременно скончалась. Естественно, предъявит и некие бесспорные доказательства, подтверждающие смерть Банши. Дальше – абсолютно ничего сложного, дорогой мой Шелдон. Устроим, пользуясь растерянностью охранников, крепкую бучу и освободим,

конечно же, несчастных крошек навсегда, ясная ирландская ночка... Ты, что же, собираешься? Уходишь? Куда?

– Не знаю, – признался Алекс. – Просто – пора в дорогу. Про Банши и брауни я уже всё понял. Притча о Государстве и его слугах-холопах-рабах. Мол, каждый раз найдётся третья сила, якобы – априори – справедливая, которая захочет означенных слуг освободить. Полыхнёт восстание, прольётся целое море крови, и очередная «Госпожа Банши» будет успешно свергнута... А что дальше? Да всё, что угодно. Освобождённые холопы могут устроить междоусобную бойню, борясь друг с другом за Власть. А ещё могут спиться на радостях и разучиться работать. Причём, совсем и навсегда. Или же – в поисках лучшей доли – разбрестись по всему земному шару: только заброшенные деревеньки останутся, грустно взирая на окружающий их Мир чёрными провалами окон. И бродяга-ветер будет настойчиво срывать со сторбленных крыш последние пучки тростника. Или же, к примеру, последние листы дырявого рубероида. Диалектика – тоскливая и надоедливая штукавина. Мол, обретённой свободой надо ещё и уметь воспользоваться – с толком и пользой... Ладно, проехали. Мне надо идти дальше. Дела... Прощай, Борхун. Будь здорова, Аннета. Передавайте привет Аннель...

Он отошёл за ближайший серо-бурый холм, извлёк из чёрного бархатного чехла крохотное овальное зеркальце и мельком посмотрелся в его светлую сторону. Перед глазами тут же почернело, а через некоторое время перед его внутренним взором замелькали, кружась в плавном калейдоскопе, неправдоподобно-яркие и совершенно-незнакомые звёзды...

Глава четвёртая

Валькирии

Лица коснулось что-то нежное и тёплое.

«Это, скорее всего, вечерние солнечные лучи», – отстранённо подумал Алекс. – «А теперь – где-то совсем рядом – приветливо заверещала птичка. Вьють-вьють. Вьють-вьють. Словно наша австрийская синичка... А это что такое, знакомое? Так шелестят листьями на ветру берёзы в моей родимой Каринтии... Неужели, путешествие по таинственной Стране Грёз закончилось, и я вернулся на Родину?».

Он открыл глаза и сел – взрослый смешанный лес, грибы с тёмно-кремовыми и красно-бордовыми шляпками, выросшие рядом с высоченным муравейником, голубое безоблачное небо за кронами деревьев. И, конечно же, до боли знакомые запахи-ароматы.

Алекс поднялся на ноги и с интересом огляделся по сторонам.

«Разгар лета, судя по всему», – монотонно зашелестел в голове хладнокровный внутренний голос. – «Уже за полдень. Шмели жужжат лениво и сонно. Какой-то холм, поросший лесом... А что у нас с одеждой-обувкой? Что-то явно старинное, с лёгким славянским налётом – мешковатые холщовые портки с прямоугольными заплатами на коленях, длиннополый грязно-бежевый зипун, войлочнo-кожаные бесформенные боты на ногах, волосы на голове перехвачены широким матерчатым ремешком... Ага, братец, а ты у нас нынче – бородат. Причём, борода знатная – окладистая и лохматая. С чего бы это, вдруг? Повышенная волосатость подбородка никогда раньше у тебя не наблюдалась. Так, только отдельные волосинки – хилые, тонкие и слегка кучерявые. Ты и брился-то не чаще одного раза в неделю. Ладно, заканчиваю с трёпом... Что делать дальше? М-м-м... Надо, первым делом, определиться на месте. Мол, где, что, когда и как... А не забраться ли нам на дерево? Типа – вспомнив детство голоштанное и беззаботное? Например, вот на эту высоченную корабельную сосну, расположенную практически на вершине холма? Не обязательно, что на самую верхушку. И до половины ствола, на мой опытный взгляд, будет вполне достаточно...».

Спорить с упрямым и своевольным внутренним голосом Алекс не стал (дело заведомо бесполезное, зряшное и неблагодарное), наоборот, слегка поплевав на ладони, полез наверх. Забрался примерно на восьмиметровую высоту и, устроившись на толстой ветке, принялся старательно озирать окрестности. В частности, длинное-длинное светло-голубое озеро, расположенное у подножия холма.

Примерно через полторы минуты он довольно хмыкнул и шёпотом резюмировал:

– Действительно, Каринтия. Знаменитое озеро Вёртерзее, прошу любить и жаловать. Знакомая береговая линия, живописные островные архипелаги... Только, понятное дело, Вёртерзее из древних времён. Там, где раньше (то есть, позже?), располагался стотысячный город Клагенфурт, нынче шумит девственный лес. А на месте Фельдена – курортного городка для супер-богатых туристов – находится какое-то крохотное поселение насквозь старинной направленности: приземистые неуклюжие дома, сложенные из грубых каменных блоков, высокая изгородь по периметру, возведённая из толстенных дубовых брёвен, массивные двустворчатые ворота, щедро оббитые чёрными железными полосами. Воинский опорный пункт, не иначе...

Солнце скрылось за плотными кучевыми облаками, обосновавшимися вдоль западной части горизонта. Вокруг заметно потемнело.

– О чём ты там бормочешь, Пушениг? – полюбопытствовал звонкий девичий голосок. – Сам с собой беседуешь? Или же пытаешься общаться с чванливыми небесными Богами?

Алекс, осторожно свесившись с ветки, заглянул вниз.

Между узловатых сосновых корней, небрежно опираясь ладошкой на толстый ствол дерева, стояла невысокая светленькая девчушка. Вернее, молодая девушка с милыми ямочками на смуглых щеках. Стройная, улыбочивая, зеленоглазая. Облачённая в некое подобие нарядного летнего сарафана – только с закрытыми плечами.

«Не очень-то и длинного летнего сарафана», – не преминул отметить наблюдательный внутренний голос. – «Оставляющего загорелые колени открытыми. Очень аппетитные и милые коленки, надо признать. Совсем недавно, братец, мы с тобой уже устаивались чести – лицезреть точно такие же. Там, в далёком и прекрасном Буэнос-Айресе. На третьем этаже серого четырёхэтажного дома. В офисе компании – «Заветные сны»... Интересно, а на каком языке – пару-тройку секунд назад – она задавала свои ехидные вопросы? Очень певучий язык, богатый на гласные звуки. Вместе с тем, присутствуют и коротенькие жёсткие артикли, свойственные немецкой речи. Язык приграничных территорий? Мол, с одной стороны некоего рубежа проживают германские племена, а с другой, соответственно, славянские? Вполне возможно. Впрочем, нам, знатным полиглотам Страны Грёз, это без особой разницы...».

– Привет, красотка, – непринуждённо поздоровался Алекс. – Решила немного прогуляться? Подышать свежим воздухом?

– Это, по меньшей мере, невежливо – отвечать вопросом на вопрос, – притворно обиделась девица. – Впрочем, разве можно ожидать элементарной вежливости от полудиких углежогов, не умеющих даже толком умываться? Зряшное и пустое дело... Э-э, Пушениг. Почему молчишь? Никак, оробел?

– М-м-м... Не то, чтобы. Просто думаю...

– Неужели? Углежог, действительно, умеют думать? Ну, надо же. А я-то, девчонка наивная и доверчивая, была уверена, что это – сказки для маленьких детей.

– Ты всегда такая?

– Какая?

– Насмешливая и бойкая?

– Нет, конечно же. Только когда общаюсь с излишне-робкими и непонятливыми кавалерами... Итак, Пушениг. Для чего ты, легкомысленный оболтус, забрался на дерево?

– Ну, чтобы полюбоваться на местные природные красоты, – слегка засмутился Алекс. – С кем разговаривал? С собственным внутренним голосом.

– Даже так? Наличие внутреннего голоса – о многом говорит. Значит, углежог чумазый, ты ни так и безнадежен... А к какому выводу, посоветовавшись с голосом, ты пришёл?

– К самому обыкновенному и неприятзательному. Мол, вид с моей ветки, просто-напросто, открывается замечательный.

– Замечательный? – зачем-то переспросила девушка. – Да ты, Пушениг, оказывается, шутник. Удивил в очередной раз.

– Да я и не думал шутить. Действительно, очень красиво... Не веришь? Забирайся ко мне и сама посмотри.

– Приглашаешь?

– Ага.

– Хорошо. Жди...

И двух минут не прошло, а светловолосая девица – вместе с симпатичными ямочками на щеках – уже обосновалась на соседней ветке.

«Шустря и ловка, чертовка!», – одобрил впечатлительный внутренний голос и тут же предостерёг: – «С такими, братец, надо быть всегда настороже. Чисто на всякий пожарный случай. Дабы впросак – нежданно-негаданно – не попасть... А ножки-то какие! Обрати внимание. Сарафанчик – в сидячем положении – стал, понятное дело, ещё короче. Как говорится, блеск и полный отпад. Я тащусь и медленно офигиваю...».

– Заканчивай, Пушениг, пялиться на мои коленки! – отчаянно покраснев, нахмурилась девушка. – Если, конечно, не опасаясь грядущих неприятностей.

– О каких таких неприятностях, симпатичная селянка, ты говоришь? – целомудренно отведя глаза в сторону, уточнил Алекс. – Не понимаю, право слово...

– Что же тут непонятного? Заявишься в следующий раз – с угольной корзиной за плечами – в наш славный Круппендорф, а от бывшего радушного приёма и следа не осталось. Наоборот, старухи, сидящие на скамеечках, надменно плюются вслед, собаки злобно гавкают, а встречаемые паренки отчаянно задираются. И угля не продашь, и парочку синяков можешь запросто отгрести... Кстати, а почему это ты, бездельник бородатый, величаешь меня то «красоткой», то «симпатичной селянкой»? Забыл моё имя?

– Ничего и не забыл. А-а... Аннель?

– У всех мужчин – память девичья. Меня зовут – «Анхен». Повтори.

– Анхен.

– Молодец. Хвалю за понятливость. И, такое впечатление, уже не первый раз... Итак. О каком замечательно-красивом виде-пейзаже ты толковал?

– Ну, как же. Длинное-длинное озеро, наполненное – до самых краёв – нежно-голубой прозрачной водой. Многочисленные задумчивые острова и весёлые островки. Величественные горы, украшенные белоснежными шапками вечных снегов, нависающие над противоположным озёрным берегом. Ранний светло-сиреневый вечер...

– Ты это серьёзно? – подозрительно прищурилась Анхен. – Или же дурака старательно валяешь? Мол: – «Мы, углежог, ребята простые-простые. Ещё, ко всему прочему, и незатейливые. Интересуемся только завлекательными природными картинками...».

– Ничего и никого я не валяю, – обидчиво надулся Алекс. – А чем ещё кроме красот озёрной долины, находясь на этой толстой ветке, можно интересоваться?

– Может быть тем, что находится у тебя за спиной?

Он, крепко держась ладонями за шершавый и тёплый ствол сосны, обернулся.

«Ничего себе. Так его и растак», – тихонько пробормотал ошарашенный внутренний голос. – «Картина маслом кисти неизвестного художника под знаковым наименованием: – «Скорбный мрак, сгущавшийся над мрачной Долиной серых теней...». Впечатляет, честно говоря...».

С противоположной стороны холма простиралась широкая травянистая долина, над которой задумчиво клубился призрачно-серый туман. А за туманом – на изумрудной траве – просматривались-угадывались неподвижные человеческие тела.

«Достаточно много тел. Тысяча не тысяча, но сотен семь-восемь, наверное, наберётся», – принялся комментировать назойливый внутренний голос. – «Безусловно-мёртвых и беспорядочно разбросанных по лугу, густо покрытому кроваво-алыми лужицами. Не иначе, здесь совсем недавно отгремела серьёзная битва. В том смысле, что отзвенела жаркая сеча...».

– Благородные склавины¹² сражались с римскими цепными псами, – пояснила девушка. – Проконсул провинции Норик¹³ никак не может уgomониться. Сволочь неумная. Шлёт на берега Вербного озера легион за легионом. Упрямец носатый...

– А кто, кха-кха, победил в этом сражении? – смущённо откашлявшись, спросил Алекс.

– Никто. Как и в прошлые разы. Посекли друг друга от души и, подобрав раненых, разошлись в разные стороны. То есть, остатки отрядов разошлись... Почему, углежог, ты забеспокоился? Что-то заметил?

---

¹² Склавины – так в римских и византийских летописях называли западных славян, иногда путая их с германскими племенами.

¹³ В античные времена Каринтия (в настоящее время входит в состав Австрии), относилась к древнеримской провинции Норик.

– Туман какой-то странный и подозрительный. Словно призрачным серым саваном накрывает долину. Потусторонним – так и веет.

– Тризна приближается.

– Как это – тризна?

– Скоро, Пушениг, всё сам увидишь. А пока – слушай...

Откуда-то (может, из небесной Вышины?), долетели едва слышимые мелодичные звуки, наполненные благородной печалью и тщательно-скрываемым безразличием. Чуть позже на дальнем краю долины появились, возникнув из неоткуда, девять высоких, слегка подрагивающих фигурок, вокруг каждой из которых наблюдались тонкие светло-жёлтые и бело-серебристые контуры-ореолы.

Фигурки стали постепенно и плавно приближаться, и – по мере их приближения – мелодичные звуки постепенно преобразовались в гортанную и монотонную песню:

Соткана ткань.
Серая, как осенняя туча.
Ты погиб, а над землёй – туман.
Кому-то стало лучше?
Окропим ткань кровью.
Чтобы известить о гибели воинов.
Туман дышит новой.
А кровь – дождики смоят.

Мы ткань сплели
Из кишок человеческих.
Когда запели соловьи
На рассвете, над речкой.
Ткацкий станок – из черепов.
Гребень железный нагрет свечами.
А ткань, чтобы слоилась чередой,
Мы подобьем – мечами.

Каждую ночь мы ткём и ткём
Стяг боевой для конунга.
Ткём ночью, рыдаем днём.
Заледенели сердца от холода.
И, наконец, мы выткали
Наш стяг боевой.
Головы мертвецов поникли
И умылись – росой...

Песня стихла. Чуткое каринтийское эхо задумчиво выдохнуло на прощанье:

– Росой, босой, ой...

Неожиданно по вечернему тёмно-сиреневому небосклону, свободному от кучевых облаков, протянулись – с северо-востока на юго-запад – неровные светло-зелёные полосы. Через несколько мгновений полосы начали причудливо изгибаться, меняя и беспорядочно чередуя цвета. Вот, одни полосы стали светло-голубыми, другие – нежно-розовыми, а между ними беспорядочно заплясали-завдвигались аметистовые и густо-жёлтые сполохи.

– Небесные огни, – зачарованно глядя в небо, кротко улыбнулась Анхен. – Очень красиво. Даже сердечко забилося чаще.

– Классическое полярное сияние.

– Откуда знаешь, угольщик неотёсанный, ни разу в жизни не покидавший своей лесной деревушки? Ах, да, совсем забыла. Ведь твои прадеды и прабабки переселились в эти места с далёкого севера. Видимо, рассказывали... А почему в твоём голосе нет удивления? Мол: – «Откуда здесь, в краях тёплых и светлых, взяться полярным огням-всполохам?»... Что скажешь?

– Валькирии, – после короткой паузы тихо-тихо произнёс Алекс. – Эти девять фигурок – валькирии. Они, э-э-э...

– О чём это ты бормочешь, Пушениг? Никак прозрел и слегка испугался?

– Есть такое дело. Слегка. Врать не буду.

– Тогда Расскажи бедной германской поселанке.

– О чём?

– Об ужасных и суровых валькириях, жалости не ведающих, – сделала «страшные» глаза девушка. – Что знаешь, то и Расскажи. А я потом, так и быть, дополню. Начинай, углежог стеснительный. Не томи.

– Расскажу, конечно. Слушай... Валькирии – это такие воинственные мифические девы, которые...

– Мифические? – ехидно хмыкнув, перебила девушка. – Ты в этом уверен, чумазный углежог?

– Не цепляйся, красotka, к словам, – неотрывно наблюдая за долиной, погружённой в лёгкую туманную дымку, попросил Алекс. – Конечно, не мифические... Как может быть «мифическим» то, что мы наблюдаем собственными глазами? Причём, находясь в твёрдом уме и трезвой памяти? Никак, ясен пень. Итак, продолжаю... Валькирии, что немаловажно, являются – у многих северных народов – символом победоносной войны. Более того, считается, что они составляют свиту могучего Одина и участвуют в распределении побед и смертей в битве. От блеска доспехов валькирий, как утверждают старинные народные поверья, на небе и возникают полярные сияния... Почему ты так многозначительно усмехаешься?

– Говоришь, мол, валькирии принимают участие в распределении побед и смертей?

– Ага, участвуют. В обязательном порядке. А потом сопровождают Души воинов, погибших в бою, в Вальхаллу – это такой небесный лагерь дружинников Одина. Чертог убитых бойцов, образно выражаясь. Там девы-воительницы покорно прислуживают гостям во время дружеского пиршества...

– Стоп-стоп, неразумный углежог. Кому они прислуживают?

– Э-э-э...

– Душам? – выжидательно прищурилась Анхен. – На разгульном пиру? Извини, но это – горячечный бред. Вернее, полная и окончательная ерунда... Разве Души (заметь, бессмертные и бестелесные Души!), могут вкушать пищу, пить хмельные напитки и вести легкомысленные застольные беседы?

Почему молчишь, Пушениг?

– Ну, не знаю. Наверное, не могут... Хотя, это как посмотреть. Если, к примеру, «перенести» в Вальхаллу Души и тела погибших воинов по отдельности? Почему бы, собственно, и нет? Тела потом «оживляются» и в них «вдуваются» Души. Гуляй – не хочу. Впрочем, в этих вопросах я откровенно не силен... Итак, чем же тогда занимаются валькирии? Для чего они... э-э-э, предназначены?

– Потом объясню. А сейчас просто смотри. Будет интересно...

Всполохи полярного сияния запульсировали с новой силой, и широкая травянистая долина, простиравшаяся между прибрежными холмами Вёртерзее, словно бы приблизилась.

– По крайней мере, все персонажи – и живые (условно, конечно же), и мёртвые – стали «ощущаться» гораздо лучше и подробнее, – удивлённо передёрнул плечами Алекс. – Будто бы к моим глазам кто-то любезно поднёс окуляры невидимого бинокля...

– Углежог, заканчивай придуриваться, – недовольно нахмурилась девушка. – Словами бросается незнакомыми, мол: – «бинокль», «окуляры», «любезно». Строит из себя, не пойми и что... Рассказывай, давай, что видишь, раз твоё природное зрение внезапно обострилось.

– Хорошо, слушай... Туман неуверенно и робко клубится рваными узкими полосами. Изумрудная трава, серо-голубоватый ручеёк, неподвижные людские тела, покрытые страшными ранами. Причём, тела разные. Одни, безусловно, при жизни были римлянами. Гладко выбритые лица. На головах присутствуют металлические шлемы, визуально – известной модели «Монтефортино». Они состоят из одной чашеобразной части с очень небольшим задним козырьком и плоскими боковыми пластинами, которые прикрывают уши и боковые части лица. Составные бронзовые латы, на передней части которых имеется характерный рельеф – со слабыми очертаниями мышечных выпуклостей. Добротные и одинаковые (то бишь, стандартные), мечи, щиты и копья... Другие покойники, так сказать, славянской национальности. Широкоплечие бородачи в характерных домотканых одеждах. Латы? Практически отсутствуют. Только на некоторых погибших бойцах наблюдаются короткие кожаные камзолы с металлическими пластинами-вставками. Да и оружие нечета римскому – разномастное и более кустарное что ли...

– Никогда не понимала, почему мужчины так безудержно интересуются оружием и доспехами. Увидят блестящую железяку, и давай курлыкать, словно дикий альпийский фазан по ранней весне... Переходи, Пушениг, к девам-воительницам. Ведь если я, конечно, не ошибаюсь, ты ради них и прибыл сюда? В том смысле, что забрался на это высокое дерево?

– Ага, ради них, – неуверенно сглотнув слюну, подтвердил Алекс. – Залез на дерево, чтобы увидеть... Итак. Их девять. Рослые, широкобёдрые и грудастые девицы, облачённые в металлические доспехи, нестерпимо сверкающие в лучах заходящего солнца... Пардон, слегка погорячился. Солнышка-то и нет: заблаговременно спряталось за облаками, чтобы никому не мешать... Исправляюсь. Облачённые в металлические доспехи, нестерпимо сверкающие в отблесках полярного сияния... Доспехи, конечно, не римские. Скорее уж скандинавские. Изготовлены из бронзы? Определённо, нет. Возможно, что из высокоуглеродистой стали... У всех валькирий – длинные волнистые волосы, ниспадающие из-под шлемов. Разных цветов волосы: светлые, белёсые, платиновые, русые, тёмные, угольно-чёрные, светло-каштановые, тёмно-каштановые, огненно-рыжие. А ещё за спинами у дев колышутся на лёгком вечернем ветерке накидки разных цветов. Причём, классического спектра, мол: – «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», плюсом светло-серая и тёмно-серая... Шагают широким фронтом. Подошли к месту недавнего сраженья. Остановились. Чего-то ждут... Кстати, а как их зовут?

– Брунгильда, Гель, Гондулк, Гунн, Мист, Рота, Скульд, Хлекк и Хьерфьетур.

– Спасибо, попробую запомнить... Рыжеволосая валькирия достала из наплечной кожаной сумки изящно-изогнутый охотничий рог, поднесла его ко рту...

Рог запел – низко, хрипло и протяжно. Над округой, примыкавшей к долине, поплыла мелодия – скорбная, печальная, чарующая и на удивление красивая.

Поплыла, полетела, окутала и, попав в умелые руки чуткого каринтийского эха, многократно умножилась, зазвучав причудливыми многоголосыми переливами.

Через некоторое время охотничий рог замолчал.

– Рыженькая Гель музицировала, – охотно пояснила Анхен. – Её имя означает – «Зовущая». Это она обращалась к Душам погибших воинов, мол: – «Мы уже идём. Ждите. Отриньте всё мелкое, сущее и глупо-бытовое. Готовьтесь...».

– К чему должны готовиться Души?

– Конечно, к выбору, который сделают, понятное дело, без них. Мол, временная свобода или же вечная тюрьма... Продолжай, симпатичный углежог, свой увлекательный рассказ. Не отвлекайся, пожалуйста.

– Продолжаю, – покорно вздохнул Алекс. – Сейчас вперёд – на пару шажков – выступила другая дева: с белёсыми волосами и светло-серой накидкой за спиной. Выступила, вскинула – в насквозь величественно-торжественном жесте – вверх руки и что-то шепчет... Ага, призрачно-серый туман – словно по мановению волшебной палочки – мгновенно рассеялся без следа.

– Всё понятно. Это воительница Мист выполнила свою рутинную работу. Её имя – на самом деле – «Туманная».

– Выполнила, то есть, разогнала клочковатый туман?

– Не только туман. Но и всё прочее.

– Что – всё прочее?

– Боль, страх, испуг, следы воинской ярости. Негативную ауру, короче говоря... Рассказывай, Пушениг, рассказывай.

– Рассказываю... Девы в доспехах, достав из походных сумок серебристые вытянутые сосуды, неторопливо двинулись вперёд. Сосуды находятся в их правых ладонях... Нагибаются над мёртвыми. Что-то шепчут. Осторожно и бережно трогают-ощупывают пальцами левых рук лица покойников... Опа!

– Что случилось?

– Валькирия с тёмно-каштановыми волосами и нежно-зелёной накидкой. Она... Не понимаю, что она сделала, но изо рта мёртвого римлянина... э-э-э, вылетел какой-то кроваво-чёрный сгусток. Вылетел и, плавно описав широкую дугу, скрылся в серебристом сосуде... Как прикажешь понимать данное действие?

– Гондукк, она же – «Волчица», лучшая охотница в стае, – уважительно вздохнула Анхен. – Всегда в первых рядах. Всегда и везде...

– Лучшая охотница – на кого?

– На Тёмные Души.

– Сколько можно – напускать пошлой таинственности? – рассердился Алекс. – Намёки всякие и разные. Недоговорённые расплывчатые фразы... Самой, случаем, не надоело? Или излагай всё, как оно есть. Без недомолвок и запуток. Или...

– Или – убирайся на все четыре стороны?

– Э-э-э... Нет, конечно же. Как я без тебя?

– Точно подмечено, – светло улыбнувшись, согласилась девушка. – Одному – всегда трудно. Иногда и невозможно... Ты, углежог, умный. А иногда ещё и очень милый. Слушай... Человеческие Души – изначально, ещё с самого Сотворения Мира – делятся на «тёмные» и «светлые». Причём, многие Боги понимают «тёмные – светлые» совершенно по-разному. То есть, исходя из разных, м-м-м...

– Критериев?

– Хорошо. Будь, Пушениг, по-твоему. Исходя из разных критериев... Сейчас мы говорим о Боге Одине. Он разделяет всех людей на «обожавших войну» и «на всех других». Такой, вот, подход.

– Поясни, пожалуйста.

– Поясняю... Войны, они были, есть и будут всегда. И многие люди относятся к войнам (с точки зрения Одина), «неправильно». То есть, прохладно: принимают, понятное дело, участие, но как бы по необходимости, без особой радости, мол, надо защищать родную землю от врагов и всё такое прочее. Повоевали и вновь отправляются землю пахать. Или же мастерить глиняные горшки и ковать лошадиные подковы. Причём, воюют они «без искорки в глазах», а пашут, мастерят и куют – с нескрываемым и огромным удовольствием. Такие «мирные чело-

веки», обожающие созидать, Одина совершенно не интересуют. Ну, ни капельки. По крайней мере, так принято считать... А, вот, «обожающие войну». Эти готовы воевать всегда и везде. Их не интересуют причины и конечные цели тех или иных войн. Главное, заниматься любимым делом: убивать, грабить, разорять, жечь, разрушать, насиловать. Такие людишки брутальному Одину близки и понятны. Вернее, их подленькие и грязные Души. По крайней мере, так принято считать... Вот, валькирии, верные служанки сурового Одина, и обходят все поля недавних сражений – охотятся за «обожающими войну». То бишь, за их «тёмными» Душами. Чтобы заключить в серебристые сосуды и доставить на небесный пир-тризну. По крайней мере, так принято считать...

– Принято считать? – понятно усмехнувшись, переспросил Алекс. – Значит, всё обстоит с точностью, но наоборот? Ну-ну... Хочешь, попробую угадать, как оно всё – на самом деле?

– Попробуй, догадливый и сообразительный углежог.

– Общеизвестно, что Душа покидает мёртвое тело человека только через девять суток после его смерти. Покидает и становится «неприкаянной». То есть, начинает бродить по Свету и даже может – при стечении определённых обстоятельств – «вселиться» в тело младенца. Поэтому мудрые Боги не заинтересованы, чтобы «тёмные» Души умерших бесконтрольно шастали по Земле, так как в этом случае весь Мир – рано или поздно – может погрузиться в хаос непрерывных войн, и человечество – в конечном итоге – исчезнет... Я всё правильно понимаю?

– Исключительно верно, – согласно кивнула головой Анхен. – Прозорливые Боги, действительно, охотятся за «тёмными», помещая их Души в различные «чертоги». Суровый Один – в Вальхаллу. И это, поверь, не единственная «небесная тюрьма». Но, к сожалению... Как же это объяснить?

– У всего человечества Тёмное Начало – очень сильно? «Тёмных» изначально было в разы больше, чем «светлых»? Было, есть и будет? Боги с огромным трудом справляются с обязанностями «санитаров леса»? И когда они, беспредельно устав, дадут слабину, то случится-грянет приснопамятный Армагеддон?

– Не буду цепляться к непонятным словам и фразам. Но ты, по большому счёту, прав. К огромному сожалению. Армагеддон уже не за горами... Ага, валькирии, забыв об охоте, сошлись в одном месте. Восемь – сошлись. А одна стоит на отшибе, отдельно от других... Что там происходит?

– Черноволосая валькирия, действительно, стоит отдельно, – доложил Алекс. – Более того, она сняла со своей головы шлем и отцепила с доспехов ярко-жёлтую накидку. А теперь, предварительно сложив в шлем серебристый сосуд и свёрнутую накидку, отбросила его далеко в сторону.

– Надо же! – восторженно охнула девушка. – Нам с тобой, углежог, несказанно повезло – наблюдать такое. Очень редкое событие. В том смысле, что случается один раз в сто лет. Не чаще... Понимаешь, девы-воительницы, они бессмертны. Так сказать, бессмертные служанки мрачного Одина. Посещают места «свежих» боёв и собирают в специальные сосуды «тёмные» Души. Непыльная работёнка, надо признать. По крайней мере, не требующая каких-либо значимых физических усилий. Это тебе не за плугом идти, поднимая каменистую целину, образно выражаясь... Так вот. Каждой валькирии даровано право – покинуть (через оговорённое количество лет, или же веков), своего господина. Для этого надо попросить Одина об «оживлении» конкретного покойника-мужчины, а потом выйти за «оживлённого» замуж. Естественно, став после этого обыкновенной смертной женщиной. Говорят, что именно в результате таких браков и рождаются они, Великие Герои... Может, в этом и заключается истинное высокое предназначение валькирий? Высмотреть на одном из полей брани идеального мужчину-производителя? Отважного, сильного, могучего, идеально-сложённого? Рыцаря без страха и упрёка? Высмотр-

реть, «оживить», выйти за него замуж и нарожать целую кучу маленьких «геройчиков»? Которые потом, превратившись в brutальных мужчин, поставят – в очередной раз – наш скучный и сонный Мир на рога? Дабы придать ему дополнительный плановый импульс, принуждающий к поступательному развитию? Кто знает... Значит, черноволосая Брунгильда высмотрела-таки суженого? Искренне завидую. Причём, белой завистью.

– Получается, что у тебя, красотка, нет ухажёров и кавалеров?

– Обидеть хочешь? Да, сколько угодно. Отбоя нет. Не в этом дело. Просто...

– Просто твоё девичье сердечко до сих пор свободно? – вкрадчиво уточнил Алекс.

– Угадал, прозорливый Пушениг, – призналась Анхен, после чего, лукаво подмигнув, продолжила: – Хотя, знаешь... Недавно на моём горизонте возник-появился один достойный кандидат. В том плане, что идейный бродяга и законченный чудак...

Вновь запел охотничий рог – низко, хрипло и протяжно. Над округой, примыкавшей к долине, поплыла мелодия – скорбная, печальная, чарующая и на удивление красивая.

Поплыла, окутала, полетела и, попав в умелые руки чуткого каринтийского эха, многократно умножилась, зазвучав причудливыми многоголосыми переливами...

Охотничий рог замолчал.

– Рыжеволосая Гель кого-то звала? – предположил Алекс. – Кого? Впрочем, кажется, я догадался... Своего хозяина и господина? То есть, легендарного Одина?

– Конечно. Как же без него? Ведь, выбранного воина надо ещё «оживить»... Ага, в конце долины показались новые фигурки. Давай, глазастый углежог, всматривайся и рассказывай об увиденном.

– Знаешь, красотка, намечается нестыковочка. Похоже, что сам могущественный Бог прибыть не может, так как занят более важными делами. Поэтому прислал по зову Гель целую команду, призванную его – сурового из суровейших – заменить.

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась девушка.

– Ничего особенно. Во главе означенной команды следует высокий сутулый старик в длиннополом тёмно-синем плаще, с бесформенной войлочной шляпой на голове. На каждом его плече сидит по упитанному угольно-чёрному ворону. Рядом – по бокам, слегка отстав, ленивой трусцой – бегут два облезлых лесных волка. В одной старческой ладони зажато древко чёрного копья, которое он использует в качестве посоха, а в другой – длинная кожаная уздечка, прикреплённая к печальной конской морде. Х-мм...

– Что смешного?

– Теперь понятно, почему у гнедой рослой коняшки такая печальная физиономия, – пояснил Алекс. – На её (его?), месте кто угодно загрустит-запечалится – ног-то насчитывается в два раза больше, чем надо. Ровно восемь штук. Затоскуешь тут... А замыкает эту странную процессию костистая старуха в боевых доспехах. Цирк бесплатный, короче говоря, с престарелым клоуном во главе...

– Цирк, говоришь? – неожиданно развеселилась Анхен. – Ну, Пушениг, ты и наглец. Назвать великого Одина – «престарелым клоуном»? Это дорогого стоит... Чему ты удивляешься? Ну, любит мудрый Бог перемещаться по белу Свету в образе мирного и безобидного старца. Что в этом такого? Каждый, как известно, чудит по-своему. Тебе ли, беспокойный углежог, этого не знать? Что же касается остальных – по твоему мнению – «цирковых». Воронов зовут Хугин («Думающий»), и Муниг («Помнящий»). Волков – Гери («Жадный»), и Фреки («Прожорливый»). А ездового восьминогого коня величают Слейпнир («Скользкий»). Стыдно не интересоваться древними легендами.

– Стыдно... У старика, кстати, знакомое лицо.

– И кого же он тебе напоминает?

– Тряпичную итальянскую куклу Пьеро, – неуверенно шмыгнул носом Алекс. – Уголки длинного рта так же печально опущены вниз, а выпуклые водянистые глаза мерцают загадочно и таинственно...

– Извини, но не понимаю, о чём идёт речь.

– Нет ли у уважаемого Одина второго имени, которое начиналось бы на букву «Б»?

– Есть. Некоторые восточные народы называют его – «Ботан». Подожди, – девушка озлобленно нахмурилась. – Что ты говорил про старуху, идущую последней?

– То и говорил. Мол, костистая старуха в латах и шлеме. На левом бедре болтается солидный меч в потёртых деревянных ножнах, оббитых серебряными напёртками. Всё.

– Волосы выбиваются из-под шлема?

– Выбиваются.

– Какие они?

– Длинные, жидкие и сальные.

– А кого они цвета?

– Ну, так сразу и не скажешь, – засомневался Алекс. – Разноцветные. Пего-пёстрые. И чёрные прядки присутствуют, и русые, и рыжеватые, и совершенно-седые.

– Плохо дело. Пора – в очередной раз – прощаться.

– Почему? Мы же ещё толком и не поговорили...

– Потому, Пушениг, – печально улыбнулась Анхен. – Потому... Дев-воительниц должно быть ровно девять. Всегда. Брунгильда решила уйти. То есть, стать обычной смертной женщиной. Ей, как и полагается в таких случаях, прислали замену... Эту пеговолосую валькирию зовут «Скёгуль», что означает – «Свирепствующая». Она самая пожилая и мудрая среди валькирий. А ещё Скёгуль очень не любит, когда наглые «смертные» наблюдают за слугами и служанками Одина. Понимаешь меня? Свирепствующая «ощущает» чужие любопытные глаза. Ощущает, свирепеет и, призвав на помощь верных подружек, нападает... Так что, углежог чумазый, вытаскивай из кармана, не теряя времени, бархатный чехольчик. А из него – в свою очередь – зеркальце. Доставай и смотри.

– А как же ты?

– За меня не бойся. Не пропаду, – доставая, якобы невзначай, из кармана сарафана приметный чехол чёрного бархата, пообещала девушка. – До свидания, бродяга легкомысленный. Мы ещё встретимся. Обязательно...

Глава пятая

Големы

Он, никуда не торопясь, шёл по улице.

«Позднее утро. Светло-жёлтое солнышко уже прилично оторвалось-отошло от линии горизонта», – лениво позёвывая, комментировал сонный внутренний голос. – «Спать очень хочется. Очень, очень, очень. Вау... Впрочем, перетерпим, не впервой. Во-первых, не баре. Во-вторых, кто рано встаёт, тому Бог даёт... Только, вот, интересно. А что конкретно он даёт? Одно дело, если там денег, или же каких-либо других материальных благ. Или же просто – немного положительных эмоций. И совсем другое, когда вручает пучок-другой гадких неприятностей. Или же, к примеру, плетёную корзинку с головной болью и всяческими душевными терзаниями... Что такое? Куда, извини, пойти? Всё понял, братец. Прости, пожалуйста. Слегка заболтался. Заканчиваю с гнилой (по твоему мнению), философией. Перехожу к конкретным реалиям, данным нам в объективных и субъективных ощущениях. Как любил говаривать мудрый бородач Карл Маркс. Или же известный эстет и законченный оригинал Фридрих Энгельс? Запечатывал... Всё-всё, не сердись. Итак. Позднее утро. Светло-жёлтое солнышко. Какое оно – типа – по сезону? Скорее всего – по первичным визуальным ощущениям – осеннее. Вот, и лёгкий утренний ветерок азартно играет с опавшими жёлтыми листьями... Старенькая булыжная мостовая, покрытая широкими трещинами и глубокими выбоинами. Узкая кривая улочка. По обеим её сторонам, тесно-тесно прижимаясь друг к дружке, выстроились... э-э-э, разномастные строения различной этажности. От одного до трёх. Какие, интересуешься, строения? А всякие и разные. В том плане, что хижин, домишки, бараки и прочие неказистые халупы, выстроенные из... А Бог его знает, из чего конкретно они построены. Наверное, из всего подряд, что подвернулось тутошним строителям под руку... Бедненькие такие строения – покосившиеся, хилые и убогие. Причём, только отдельные окошки (редкие и узенькие, надо заметить), оснащены стёклами. Остальные же либо затянуты какой-то молочно-белой плёнкой (рыбий паюс или же бычий пузырь?), либо «застеклены» пластинами золотисто-желтоватой слюды. Такая слюда, как мне помнится, называется – «вермикулит»¹⁴. Однозначное, братец, Средневековье. Махровое, классическое и патентованное... Что с нынешним нарядом? Приличный господский камзол-сюртук, украшенный – во многих местах – пышными светло-сиреневыми кружевами и прямоугольными костяными пуговицами. Бархатные штаны-панталоны ярко-выраженного сизого цвета. Изящные сапожки светло-бежевой кожи, оснащённые коротенькими металлическими шпорами. Следовательно, предназначены для верховой езды... Ай-ай-ай, наметилась досадная нестыковочка. Ты же, братец, в общении с лошадаками докой не являешься. Разика три всего и катался. И то, под пристальным надзором опытного инструктора. Навернётся ещё, не дай Бог, конечно. Ушибами и синяками обзаведёшься, тьфу-тьфу-тьфу, во всех местах сразу... Всё-всё, больше не буду докучать и подкалывать. Честное и благородное слово. Продолжаю, благословясь... На твоей забубённой голове наличествует широкополая шляпа. Подними-ка, пожалуйста, вверх правую руку и аккуратно ощупай ладошкой головной убор... Так и есть, шляпа украшена пышным и разлапистым птичьим пером. Кстати, на твоём левом боку висит длинная шпага в изукрашенных ножнах, а пальцы на обеих ладошках оснащены золотыми перстеньками с сапфирами, рубинами и прочими изумрудами... Следовательно, что? Не понимаешь, тормоз тормознутый? Ну-ну... Следовательно, братец, ты нынче находишься в роли (пребываешь в статусе?), средневекового дворянина. Высокая, как ни крути, честь. Примите, господин сиятельный аристократ, мои искренние поздравления, а

---

¹⁴ Вермикулит – минерал из группы гидрослюд, имеющих слоистую структуру.

также нижайшие уверения в безграничном холопском почтении... Продолжаю, тем временем, делиться дорожными наблюдениями. Жителей пока не видно. Хотя за окошками – и тут, и там – наблюдается некое отрывочное шевеление. Просыпаются людишки потихоньку, просыпаются... Что ещё интересного и характерного? Во-первых, ароматы-запахи. Вернее, если быть максимально честным и точным, то откровенная и однозначная вонь, безраздельно царящая вокруг. Очевидно, что канализация в этих патриархальных краях хронически отсутствует. Да и солидные мусорные кучи – вперемешку с пищевыми отходами – наблюдаются повсеместно. В основном, понятное дело, возле входных кособоких дверей. А над мусорными кучами, как и полагается, заинтересованно кружат разноцветные мухи – ядовито-зелёные, янтарно-жёлтые и тёмно-синие с лёгким ультрамариновым отливом. И это, заметь, прохладной осенью. Воображаю, что здесь творится в жаркую летнюю погоду. Даже представить страшно. Бр-р-р! Хреновато, одним словом, трудятся работнички местного средневекового ЖКХ... Во-вторых, чётко ощущается (на уровне хитрого подсознания, ясен пень), серо-жёлтая аура. То бишь, выражаясь напрямик, целое море сурового негатива. Боль, унижение, стыд. Страх, живущий в здешних обитателях практически с самого рождения. Из знаменитой серии, красочно и доходчиво описанной одним из столпов современной философии, мол: – «Иногда казалось, что страх – живое существо. Сидит себе внутри тебя, ест, пьёт, испражняется. А, главное, постоянно растёт, пухнет и расширяется – словно стремится занять-захватить весь твой хилый и измученный организм...». Что это за городишко? Вон – вдали, с северо-восточной стороны – наблюдаются многочисленные островерхие здания-башенки, безудержно устремившиеся вверх и украшенные длиннющими шпилями. Однозначно-готический стиль, гадам буду. Вместе с тем, здесь присутствует и лёгкий восточно-европейский налёт... Что ещё за налёт такой? Не знаю, извини. И вообще, отстань, пожалуйста. Не смогу объяснить. Налёт, и всё тут. Короче говоря, вполне возможно, что это – средневековая Варшава. Или же не менее средневековая Прага, что сути дела не меняет... Улица упёрлась в высокий забор. Вернее, повернула практически на девяносто градусов. Теперь с одной стороны присутствуют прежние хижины-развалюхи, а с другой – изгородь. Что можно сказать о заборе? Достаточно высокий – метра два с небольшим запасом. Но, при этом, визуально хлипковат. Сложен из разноразмерных кусков буро-жёлтого известняка, только вместо цемента (или там – на худой конец – извести), использовали обыкновенную красно-коричневую глину со всякими минеральными наполнителями. Вон – прямо из кладки – торчит толстый пук наполовину сгнившей соломы... Ага, впереди наблюдаю некое подобие площади: ровный песчано-каменистый прямоугольник общей площадью примерно в полторы тысячи метров квадратных, в который «вливаются» сразу несколько улочек, парочка новёхоньких колодцев-журавлей, длинный одноэтажный барак под камышовой крышей, будка для охранников. Что ещё за будка? Обычная. Разве я не сказал, что в заборе имеются ворота? Вот, говорю: имеются солидные двустворчатые ворота, рядом с которыми и расположена означенная будка – тёмно-коричневая в белую полосочку. Только сейчас, надо полагать, она пустая, так как четверо сторожей – в бесформенных кожаных камзолах, с металлическими шлемами-кастрюльками на головах и с короткими чёрными копьями в руках – находятся снаружи... Парочка ландскнехтов, предварительно прислонив копыя к изгороди, сейчас вынимают из грубых чугунных скоб, закреплённых в заборных стенах, толстенный деревянный брус, служащий запором. Отпирая – тем самым – ворота. А ещё двое, солидно опираясь на копыя, застыли – в компании с грозным видом – рядышком... Вот, и первые горожане, наконец-таки, подтягиваются: пожилые мужички самого степенного и положительного вида, одетые чистенько, но бедненько. Визуально – похожи на типичных клерков среднего звена. На банковских служащих, к примеру. Или же на мастеровых. Имеются в виду портные, сапожники, ювелиры, стоматологи и тому подобное. Мужички, заранее сняв блинообразные шляпы, низко кланяются стражникам и – по одному, строго соблюдая очерёдность – несуетливо проходят через распахнутые ворота... Стоп, братец! Вот же, она, чёткая подсказка. Всё

дело в шляпе, как принято говорить в таких случаях. Вернее, в шляпах, тульи которых перевязаны широкими ярко-жёлтыми лентами. Понимаешь, что это означает? Да-да, мы с тобой нынче разгуливаем, как ни в чём не бывало, по еврейскому гетто. То есть, по средневековому еврейскому гетто... Интересно, а что нарядный кавалер с дворянской шпагой на левом боку может делать в затрапезном еврейском поселении? Зашёл денежек немного занять? Почему бы, кстати, и нет? Вполне здравая и правдоподобная версия. В том смысле, что к твоему кожаному поясу – в районе правого бока – подвешен бордовый замшевый кошель и, судя по весу, он почти пуст. Ладно, разберёмся. Чу, бодрый перестук конских копыт, то бишь, подков... Ага, к воротам прибыла открытая повозка, влекомая вперёд двумя неказистыми гнедыми лошадками. На облучке восседает сутулый кучер с дурацким чёрным цилиндром на голове, а сама повозка заполнена размалёванными барышнями в кричаще-аляповатых нарядах. Девицы лёгкого поведения, надо думать... Повозка остановилась. Возница, раболепно поклонившись, протянул усатому стражнику несколько серебряных монеток – в качестве взятки, ясен пень. Барышни о чём-то весело переговариваются (вроде бы на чешском языке), с остальными ландскнехтами, обещая, очевидно, бесплатное предоставление качественных профильных услуг... Что же, ещё одно доказательство того, что данная местность, окружённая высокой изгородью, заселена евреями. Общеизвестно, что девушки и женщины, проживавшие в средневековых еврейских гетто, трудились – в большинстве случаев – либо швеями, либо проститутками. По крайней мере, так утверждают некоторые маститые специалисты-историки, изучающие европейское Средневековье... Всё, кучер стеганул вожжами, лошади тронулись, и повозка укатила. Что делать дальше? Предлагаю – подойти к солдатам и слегка поболтать. Вдруг, удастся разжиться дельной информацией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.